

Неолиберальная реформа в России

Сергей Батчиков, Сергей Кара-Мурза (Россия)

Введение: неолиберальная реформа в России как причина национальной катастрофы

В 1989 г. правительство Горбачева начало в СССР радикальную экономическую реформу, которую в 1991 г. продолжило в России правительство Ельцина. Была декларирована трансформация специфической советской плановой системы хозяйства в рыночную экономику якобы «западного типа». Это требовало настолько глубоких изменений, что в обиход даже вошел нелепый термин «реформа посредством слома». С 1990 г. непосредственное участие в разработке программы этой реформы принимали американские экономисты, а также эксперты Международного валютного фонда и Всемирного банка.

Проект этот по глубине ломки был несопоставим с революцией Октября 1917 года. В Советской революции претензии ограничивались изменением социально-экономического уклада и идеологии. Сейчас речь шла о смене *типа цивилизации*. Декларировалось глубокое изменение не только экономики, социальной и политической системы, но и структуры общества, образа жизни всего населения, мировоззренческой матрицы народа, его культуры во всех ее срезам, типа межнационального общежития. Можно сказать, реформаторы и их западные наставники ставили целью *демонтировать* страну ее народ и «собрать» их заново на совершенно иных основаниях. «Архитектор перестройки» академик А.Н.Яковлев назвал грядущую реформу *Реформацией России* – по аналогии с протестантской Реформацией в Западной Европе.

Здесь мы рассмотрим преобразование хозяйства, освещая другие изменения лишь в той степени, в которой они повлияли на экономическую реформу. Тема эта столь обширна, что картину изменений придется рисовать большими мазками, в стиле импрессионизма. Постараемся не использовать расплывчатых идеологических понятий и обозначать явления простыми, однозначно понимаемыми терминами.

Реформа быстро, почти молниеносно, привела к экономической и социальной *катастрофе*. – на фоне общего, системного кризиса. Глубокий кризис - тяжелое состояние общества, болезнь всех его систем. Тот кризис, в который погрузилась Россия начиная с 1991 г., не имеет аналогов в истории по своей глубине и продолжительности.

Производственная система России впала в *паралич*. Наглядное представление о том, что произошло, дает динамика натуральных показателей – объема производства главных жизненных благ (продуктов питания и медикаментов, материалов и энергии, жилья и услуг). Из этой динамики видно, что вплоть до реформы наблюдался стабильный рост производства и потребления¹. Форма интегральных кривых «здоровья промышленности», которые рассчитываются по десяткам показателей Организацией ООН по промышленному развитию (ЮНИДО), показывает, что в СССР не было кризиса, но произошла *катастрофа*. В сводках ЮНИДО состояние промышленности разных стран характеризуется такими категориями: экономика в развитии, стабильная, в депрессии, в кризисе. И есть особая категория - *разрушенная экономика*. Три страны в середине 90-х годов имели структурно сходные кривые «разрушенной экономики» - республики СССР, Ирак и Югославия. В Ираке и Югославии это было следствием обычных «горячих» войн. По России прошла война более странная, под названием *неолиберальная реформа*.

Важнейший бесспорный и обобщающий показатель того, что произошло с Россией – небывалый в истории скачок *смертности* и столь же небывалое падение *рождаемости*, особенно среди русских. Народ съежился, перестал воспроизводиться, как в предчувствии всеобщей гибели. Вот образ этого беспрецедентного явления (рис. 1):

¹ Динамика примерно 300 главных натуральных экономических и социальных показателей России с 1970 по 2002 г. приведена в книге: С.Ю.Глазьева, С.Г.Кара-Мурзы и С.А.Батчикова «Белая книга. Экономическая реформа в России. 1991-2002 гг.» (М., Алгоритм-ЭКМО, 2004.

А вот динамика двух показателей, из которых и складывается показатель естественного прироста населения – рождаемости и смертности (рис. 2).

Уже к середине 90-х годов мнение о том, что экономическая реформа в России «потерпела провал» и привела к «опустошительному ущербу», стало негласным, но общепризнанным среди западных специалистов. Нобелевский лауреат по экономике Дж.Стиглиц [Joseph Stiglitz], дает ясную оценку: «Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества – колоссальный упадок, сопровождаемый столь же огромным ростом неравенства. И прогноз на будущее мрачен: крайнее неравенство препятствует росту»².

Вдумаемся в этот вывод: в результате реформ мы получили *самое худшее из всех возможных состояний общества*. Значит, речь идет не о частных ошибках, вызванных новизной задачи и неопределенностью условий, а о *системе ошибок*, о возникновении в сознании проектировщиков реформы «странных аттракторов», которые тянули к выбору наихудших вариантов из всех возможных, тянули к катастрофе.

Тот факт, что реформа привела к вымиранию мирного населения России прямо взывает к элите западного сообщества ученых-экономистов. Она не имеет права уклоняться от честного анализа ошибок! Ведь при ее участии и под ее давлением была выработана и принята в России вся доктрина этой реформы.

Российские экономисты предлагали иные, более бережные способы перехода от плановой экономики к рыночной, и их точка зрения была преобладающей в отечественном научном сообществе. Однако из политических соображений и под давлением западных партнеров Горбачева и Ельцина вся власть в экономическом программировании была отдана группе экономистов, занявших радикальную неолиберальную политику. И уже в 1996 г. видные экономисты Н.Петраков и В.Перламутров писали в академическом журнале: «Анализ политики правительства Гайдара-Черномырдина дает все основания полагать, что их усилиями Россия за последние четыре года переместилась из состояния кризиса в состояние катастрофы»³.

Другой видный экономист, бывший в 1992-1993 гг. министром в правительстве Гайдара, С.Ю.Глазьев определил практику реформ 90-х годов как *геноцид*, опубликовав книгу под таким названием⁴. Впервые в истории парламент пытался отрешить от власти президента (Ельцина), обвинив его в *геноциде* народа собственной страны. Для такого решения не хватило голосов – еще живо было в памяти депутатов зрелище расстрела из танков парламента прежнего созыва, которое совершил Ельцин в октябре 1993 г. Но материалы слушания не оставляли сомнений – реформа означала именно геноцид, который велся экономическими, культурными и политическими средствами.

Итак, в огромной стране совместными усилиями политиков и влиятельной интеллектуальной группировки искусственно создана хозяйственная и социальная катастрофа. Казалось бы, перед научным сообществом возник очень важный в теоретическом и еще более в практическом плане объект исследований, анализа, размышлений и диалога. Очевидно, что научным сообществом была совершена ошибка (соображения политиков - лишь отягчающие обстоятельства этой ошибки), но за прошедшие 15 лет никакого стремления к рефлексии по отношению к программе реформ в среде экономистов не наблюдается! За исключением отдельных личностей, которые при первой попытке такой рефлексии становятся диссидентами профессионального сообщества.

Дж.Стиглиц констатирует: «Россия представляет собой интереснейший объект для изучения опустошительного ущерба, нанесенного стране путем «проведения приватизации любой ценой»... Приватизация, сопровождаемая открытием рынка капитала, вела не к созданию богатства, а к обдиранию активов. И это было вполне логичным».

То есть, реформаторы и их западные советники совершили ошибки, которые можно было предсказать чисто логическим путем, то есть ошибки *тривиальные*. Чтобы их не видеть, надо было впасть в аномальное, болезненное состояние сознания. Но надо же когда-то заняться лечением, надо же иметь хоть минимум интеллектуальной совести!

Не может врач, на руках которого из-за его ошибки умер пациент, не задуматься о сути этой ошибки, не раскопать ее причин. Это было бы противоестественно, противоречило бы главным нормам врачебного сознания. Но ведь элита западного сообщества экономистов как раз и выступила в роли врача, давшего рецепт для излечения болезни нашего хозяйства. И вот, совершены тяжелые ошибки, хозяйство загублено - и никаких признаков рефлексии.

² Дж.Стиглиц. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль. 2003.

³ Н.Петраков, В.Перламутров. Россия - зона экономической катастрофы. - Вопросы экономики. 1996, № 3.

⁴ Глазьев С.Ю. Геноцид. М.: Терра. 1998

Вместе с параличом производства произошла деформация общества, пресекающая всякие надежды на успех либеральной реформы. Обокрав население, реформаторы уничтожили то, что называли «средним классом». Удушив его, они получили большую социальную структуру («двойное общество»): кучку сверхбогатых и массу обедневших людей. Структура потребления в таком обществе при рыночной экономике совершенно не стимулирует производство.

Массы людей сегодня вычеркнули из списка своих потребностей товары, которые до 1991 г. считались нужными - холодильники, стиральные машины, мотоциклы и т.д. А значит, стало ненужным и их производство. Небольшая прослойка богатых полностью удовлетворяет свой спрос за счет импорта. И вот вывод социологов ВЦИОМ - Т.И.Заславской и ее сотрудников: «В последние годы в нашей стране наблюдается снижение социальных запросов населения вследствие постепенного свыкания с бедностью и утраты надежд на восстановление прежнего уровня жизни»... «Сужение спектра потребностей населения является проблемой долговременного характера, и ничуть не меньшей, а может быть и более серьезной, чем непосредственное сокращение рыночного потребительского спроса»⁵. Это – признание одного из ведущих идеологов реформы в ее крахе.

Создав уродливую экономическую систему, новый режим поставил страну на грань полного краха, характер и последствия которого даже трудно себе представить. Народы России внезапно попали в ту совершенно новую категорию людей, которых на Западе уклончиво называют «социальными общностями, которые нет смысла эксплуатировать».

Все эти процессы были предусмотрены, поддавались прогнозу и были поразительно точно предсказаны ответственными специалистами – социологами и технологами, экономистами и криминалистами. Эти предупреждения были отброшены без всякого диалога. Когда сегодня читаешь труды экономистов из команды Горбачева, которые объясняли в 1989-1991 г., как следует ликвидировать советскую хозяйственную систему и перейти к свободному рынку, становится страшно. Их рассуждения напоминают речь безумца, обычным словам у них придается странное значение, критерии здравого смысла отброшены напрочь. Мы в горячке тех дней этого не замечали, так надо хоть сегодня вникнуть! Ведь эта безумная логика и до сих пор действует.

Массивные, тяжелые процессы в российской экономике набирают темп, и инерция их очень велика. Хорошие цены на нефть, прирост ВВП – все это на фоне массивных процессов деградации как рябь на океанской волне. Известный американский советолог С.Коэн [Steven Kohen] писал в 1998 г.: «Проблема России состоит в беспрецедентно всеобщей экономической катастрофе в экономике мирного времени, находящейся в процессе нескончаемого разрушения... Катастрофа настолько грандиозна, что ныне мы должны говорить о не имеющем прецедента процессе - буквальной демодернизации живущей в XX веке страны»⁶.

С.Коэн не говорит очевидного: в XXI веке промышленно развитая страна не может пережить «демодернизацию» - она гибнет.

На слушаниях в Госдуме в 2002 г. были названы расчеты: чтобы запустить (не восстановить, а лишь «вновь запустить», как заглушенный двигатель) хозяйство России на рыночных основаниях, потребуется 2 триллиона долларов. Министр экономики Греф с этой цифрой согласился. Простой подсчет главных, массивных потерь хозяйства за 12 лет реформы показывает, что такой суммой не обойтись. Ведь по сравнению с теми средствами, которые Россия потеряла из-за разрушения производства, доходы от нефти - крохи. Почему же экономисты не сделают и внятно не объяснят людям расчет средств, необходимых для того, чтобы в рамках рыночной экономики вывести Россию хотя бы на стартовую позицию для устойчивого экономического роста?

Здесь мы переходим к нашей главной теме: какую роль сыграло в российской катастрофе сообщество западных экономистов, исповедующих принципы неолиберальной экономической теории, принявших активное участие в разработке доктрины реформ в России и осуществлявших научное сопровождение реформы и консультирование практических политиков. Какова позиция этого сообщества сегодня, когда стал очевидным крах их доктрины с тяжелейшими последствиями для мирного населения? Где систематический анализ причин этого краха и истоков столь фундаментальных ошибок.

Любое научное сообщество, уходя в такой ситуации от подобных вопросов, теряет свой научный статус, превращается в клику циничных манипуляторов, выполняющих политический заказ под прикрытием авторитета науки.

⁵ Т.И.Заславская. Новые данные о доходах россиян. - «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения». М.: ВЦИОМ. 1995, № 4, с. 11; М.Д.Красильникова. Кто на чем экономит. – Там же, 1996, № 4, с. 37.

⁶ «Независимая газета», 1998, 27 авг.

Катастрофическая реформа в России: ответственность западного научного сообщества

Реформы, начатые в России 15 лет назад, поставили страну на грань разрушения и причинили населению тяжелые массовые страдания. Если отставить предположения о том, что доктрина этих реформ является плодом сатанинского заговора против России, остается признать, что ее замысел включал в себя ряд ошибок фундаментального характера.

Сейчас некоторые авторы программы реформы наивно пытаются представить ее результат как следствие непредвиденных обстоятельств и чуть ли не стихийных процессов. Они отказываются от диалога и анализа дефектов философского и интеллектуального основания реформы. Это лишь усугубляет российский кризис. Роль этого философского и интеллектуального основания, в построении которого приняли участие виднейшие экономисты, очевидна, она отражена в множестве текстов, выступлений и организационных шагов. Дж.М.Кейнс [J.M. Keynes], один из крупных мыслителей прошлого века, сказал: «Идеи экономистов и политических философов, правы они или нет, гораздо более могущественны, чем это обычно осознается. На самом деле вряд ли миром правит что-либо еще».

Одной из главных идей, положенных в основание российской реформы, сводилась к переносу в Россию западной, даже англо-саксонской, модели экономики.

Эта идея выводилась из, казалось бы, давно изжитого в просвещенном сознании примитивного евроцентристского мифа, согласно которому Запад через свои институты и образ жизни выражает некий универсальный закон развития в его наиболее чистом виде. Американские эксперты, работавшие в Москве, пишут: «Анализ экономической ситуации и разработка экономической стратегии для России на переходный период происходили под влиянием англо-американского представления о развитии. Вера в самоорганизующую способность рынка отчасти наивна, но она несет определенную идеологическую нагрузку - это политическая тактика, которая игнорирует и обходит стороной экономическую логику и экономическую историю России»⁷. Один из этих экспертов, М.Интрилигейтор [Michael D. Intriligator], предупреждает: «Запад должен осознать свою подлинную роль в провале «шоковой терапии».

Никаких шансов на успех такая реформа не имела. Народное хозяйство любой страны - это большая система, которая складывается *исторически* и не может быть переделана исходя из доктринальных соображений. Выбор за образец для построения нового общества России именно Соединенных Штатов Америки - страны, созданной на совершенно иной, нежели в России, культурной матрице - не находит никаких рациональных объяснений. Трудно сказать, какие беды нам пришлось бы еще испытать, если бы у реформаторов действительно хватило сил загнать нас в этот коридор.

Сама доктрина превращения советского хозяйства в рыночную экономику западного типа была утопией у одних и блефом у других. Начиная с конца XIX века российские экономисты и управленцы все ближе подходили к выводу, что такая экономика в России невозможна уже в силу климатических условий и огромных расстояний - слишком велики издержки на жизнеобеспечение и транспорт, слишком мал прибавочный продукт и капиталистическая рента.

Английский либеральный философ Дж. Грей [John Grey] пишет то, что знали и основоположники современной русской культуры, и подавляющее большинство граждан СССР: «Значение американского примера для обществ, имеющих более глубокие исторические и культурные корни, фактически сводится к предупреждению о том, чего им следует опасаться; это не идеал, к которому они должны стремиться. Ибо принятие американской модели экономической политики непременно повлечет для них куда более тяжелые культурные потери при весьма небольших, чисто теоретических или абсолютно иллюзорных экономических достижениях»⁸.

Дело вовсе не в идеологии, речь идет об исторически заданных ограничениях для выбора модели развития. К. Леви-Стросс [Claude Levy-Strauss] сказал, что «Запад создал себя из материала колоний». Из этого следует, например, что колонии уже никогда не могут пройти по «столбовой дороге» через формацию западного капитализма, поскольку их «материал» пошел на строительство Запада. В них создается *особая формация* «дополняющей экономики», так что центр и периферия на деле составляют одно связанное из двух разных подсистем целое, формацию-кентавр.

⁷ А.Эмсден, М.Интрилигейтор, Р.Макинтайр, Л.Тейлор. Стратегия эффективного перехода и шоковые методы реформирования российской экономики. - Шансы российской экономики. Анализ фундаментальных оснований реформирования и развития. Вып. 1. М.: Ассоциация «Гуманитарное знание». 1996. С. 65-85.

⁸ Дж. Грей. Поминки по Просвещению, М.: Праксис. 2003.

Советская хозяйственная система, не имея доступа к «материалу колоний», на деле показала более высокие, чем капитализм, возможности развития производительных сил, но экономическая наука не позволила нам этого понять. Не позволила она нам увидеть и того факта, что Россия вынуждена была идти иным путем, нежели западный капитализм, и на его путь перескочить не может. Не из кого ей делать вторую часть «кентавра».

Историк Фернан Бродель [Fernand Braudel], изучая потоки ресурсов в период становления капитализма в Европе, так сформулировал этот абсолютный и жесткий критерий: «Капитализм вовсе не мог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда». При этом очевидно, что в силу исторических обстоятельств Россия *не имеет* источников услужливой помощи чужого труда. Следовательно, в реальных условиях России капитализм западного типа несовместим с жизнью общества. Тот, кто уповает на возможность устройства в России рыночной экономики западного типа, должен или отвергнуть проверенный опытом постулат Броделя, или сообщить, какие источники услужливой помощи чужого труда может сегодня заполучить Россия.

Можно говорить о рациональности неолиберализма – в рамках специфической культуры Запада и его экономической реальности. Но это вовсе не значит, что постулаты и доводы неолиберализма являются рациональными и в существенно иной реальности, например, в России. Даже напротив, перенесение их социальной модели в иную экономическую и культурную среду практически наверняка лишает «их» обоснование рациональности. Это – почти очевидное элементарное правило.

К.Левин-Стросс, изучавший контакты Запада с иными культурами, писал в книге «Структурная антропология»: «Трудно представить себе, как одна цивилизация могла бы воспользоваться образом жизни другой, кроме как отказаться быть самой собою. На деле попытки такого переустройства могут повести лишь к двум результатам: либо дезорганизация и крах одной системы - или оригинальный синтез, который ведет, однако, к возникновению третьей системы, не сводимой к двум другим». Такой синтез мы видели и в России (СССР), и в Японии, и в Китае. Такую дезорганизацию и крах мы видим сегодня в Российской Федерации.

Неолиберализм исходит из механистической картины мира, а в российском «неолиберальном» обществоведении механицизм и «рыночный» детерминизм приобрели характер фундаментализма. Кроме того, ликвидация «цензуры» советской идеологии освободила в сознании российских неолибералов такие темные и даже архаические силы, что произошел откат в методологических и ценностных установках, которого мало кто мог ожидать. Зачастую это даже не откат, а «прыжок в сторону» от привычных культурных норм. Речь, конечно, не обо всей экономической науке, а о ее официально утвержденной и доминирующей части. Общие признаки «нового мышления» этих российских экономистов – отсутствие логики и полная оторванность от реальной жизни, радикальный стихийный идеализм.

Опасность для России, да и для многих других стран, заключается в том, что этот идеализм, механицизм и рыночный фундаментализм буквально нагнетается из авторитетных кругов самого Запада. Дж. Грей пишет: «Ожидать от России, что она гладко и мирно примет одну из западных моделей, означает демонстрировать вопиющее незнание ее истории, однако подобного рода ожидания, подкрепляемые подслеповатым историческим видением неолиберальных теоретиков, в настоящее время лежат в основе всей политической линии Запада».

Хотя «подслеповатые неолиберальные теоретики» упоены своей видимой победой и глупо выглядели бы сегодня советы, которые им могут дать русские, но вскользь заметим, что в эпоху глобализации опасно создавать столь глубокий и столь длительный кризис, который создан в России, даже если ненависть к ней до сих пор жива. Яд от чужого кризиса распространяется по неизученным каналам, и западное общество может не иметь против него иммунитета – тем более, что очень многие институты Запада находятся сейчас далеко не в лучшем состоянии. Хаос, организованный неолиберальной реформой в России, может трансформироваться в новые формы хаоса, текущего на Запад.

Анализируя причины краха неолиберальной реформы в России, мы должны понять природу «гибридизации» западного и туземного сознания, которая порождает синергическую интеллектуальную конструкцию, доводящую травмирующие свойства любой реформы до состояния абсурда, несовместимого с жизнью общества. Таков был в России абсурд утопии свободного рынка.

Фундаментальный замысел реформы заключался в переводе всех сторон жизни в России на рыночные отношения. Эта утопия недостижима *нигде в мире*, в России же она убийственна и ее реализация неминуемо повлекла бы физическую гибель значительной части населения. На эти вполне корректные, академические указания ни политики, ни их западные советники просто не отвечали - они делали вид, будто всех этих трудов русских экономистов, географов, социологов, начиная с XIX века, просто не существует.

В самой России на высказывание мнений, противоречащих доктрине реформ, была наложена жесточайшая цензура, по сравнению с которой советская идеологическая цензура показалась бы

предельно либеральной. Даже почтенным иерархам экономической науки (например, академикам Д.С.Львову, Н.Я.Петракову или Ю.В.Яременко) был закрыт доступ к трибуне, так что их рассуждения в узком кругу специалистов превратились в «катакомбное» знание.

Более того, цензура накладывалась и на иностранных экспертов, которые выражали, даже в самых корректных терминах, сомнения в доктрине реформ. Когда в России вышла книга «Реформы глазами американских и российских ученых» (М., 1996), то в США «не рекомендовали» американским ученым, включая Нобелевских лауреатов, поехать в Москву на презентацию этой книги.

Американские эксперты А.Эмсен [A. Emsden] и др. пишут в своем докладе: «Тем экономистам в бывшем Советском Союзе и Восточной Европе, которые возражали против принятых подходов, навешивали ярлык скрытых сталинистов». В те годы этот ярлык означал занесение человека в черный список и был едва ли не опаснее, чем ярлык «фашиста».

Дж.Гэлбрейт [John Galbraith] сказал об этих планах российских реформаторов откровенно: «Говорящие - а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь - о возвращении к свободному рынку времен Смита не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить» («Известия», 31 янв. 1990).

Психическое отклонение клинического характера - вот как воспринимался замысел реформы в России видными западными специалистами, не имеющими причин лгать!

В 1996 г. американские эксперты, работавшие в РФ (А.Эмсен и др.), были вынуждены признать: «Политика экономических преобразований потерпела провал из-за породившей ее смеси страха и невежества».

Страх - понятная эмоция антисоветских ренегатов. Но почему этот *параноидальный* страх не был обуздан разумом западных экспертов, которые были поводырями ренегатов? Ведь им за это платили огромные деньги. Чье невежество «породило» политику реформ в России? Профессоров Гарвардского университета? И разве это невежество изживается сегодня?

Либеральная экономическая теория описывает очень специфический тип хозяйства, в котором главным механизмом координации усилий и разделения труда является рыночный *обмен* в форме купли-продажи. Существуют, однако, типы хозяйства, причем весьма сложно организованного, при которых ценности и усилия *складываются*, а не обмениваются - так, что все участники пользуются созданным сообща целым. К такому типу относится *семейное* хозяйство, которое даже в США составляет около 1/3 всей хозяйственной деятельности в стране. Этот тип хозяйства для определенного класса целей экономически исключительно эффективен - замена его рыночными отношениями невозможна.

К этому же типу хозяйства относилось и советское плановое хозяйство. Именно *сложение* ресурсов без их купли-продажи позволило СССР после колоссальных разрушений 1941-1945 гг. очень быстро восстановить хозяйство. В 1948 г. СССР превзошел довоенный уровень промышленного производства - можно ли это представить себе в нынешней рыночной России?

В советском хозяйстве мы имели малоизученный предмет, к которому образованный человек просто обязан был подойти с вниманием и осторожностью. Но этого не случилось в 80-е годы, этого нет и сейчас. Как же нам искать выход из кризиса? Мы же не знаем, что разрушали, разрушили или нет, можно ли вообще на этих руинах строить т.н. «рыночную экономику».

А.Н.Яковлев сказал в мае 1991 г.: «Серьезный, глубокий, по-настоящему научный анализ брежневизма - точнее, периода 60-х - середины 80-х годов - еще впереди, его даже не начинали»⁹. Если так, то какое же право имел академик Яковлев давать категорические оценки советскому обществу за целый исторический период и даже требовать его радикальной переделки! Ведь сначала он обязан был изучить объект реформы, провести его «серьезный, глубокий, по-настоящему научный анализ». Какая безответственность!

Отличие советского хозяйства от того, что мы видим сегодня, составляет как бы загадку, которую в интеллигентной среде избегают даже формулировать. Сейчас всё, кроме денег, у нас оказалось «лишним» - рабочие руки и даже само население, пашня и удобрения, скот и электрическая энергия, металл и квартиры. Все это или простаивает, или продается по дешевке за рубеж, или уничтожается. А в СССР всякое производство было выгодным, всякий клочок годной земли использовался. Росло общее недовольство тем, что бюрократические нормы *мешают работать*.

Это значит, что для обеспечения труда сырьем и инструментами находились средства. Денег хватало и на вполне сносное потребление, и на огромную по масштабам науку (одну из двух имевшихся в мире научных систем, охватывающих весь фронт фундаментальной науки), и на военный паритет с Западом - и даже на дорогостоящие «проекты века». Никому и в голову не могло прийти, что шахтеры

⁹ А.Н.Яковлев. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М.: Новости. 1991. С. 24.

могут голодать, а академики кончать жизнь самоубийством из-за того, что голодают их подчиненные ученые-ядерщики.

И при всем этом за 1980-1985 гг. размеры ежегодных капиталовложений в СССР возросли на 50% (а на Западе совсем не выросли). Если бы мы сейчас мысленно “вычли” эти инвестиции из нашего хозяйства, вообразили бы, что СССР уже за десять лет до реформы стал вести себя, как ельцинская РФ, то сегодня страна была бы уже экономическим трупом.

За годы реформы без войны, из благополучного состояния страну привели на грань катастрофы. Положение тяжелее, чем нам кажется по внешним показателям. Мы проедаем последнее из того, что накопило предыдущее поколение. Мы питаемся телом убитой советской системы. Оно огромно, но оно - ресурс невозобновляемый. И он подходит к концу.

Из опыта разрухи на нашей земле видно: попытка втиснуть Россию в периферию западной хозяйственной системы - утопия, которая уже привела к огромным страданиям большинства народа. Пусть те, кто способствует этой утопии, положит на чаши весов все обещанные ими блага - и горе сотни миллионов людей. И ведь те страдания, которые уже выпали на долю нынешнего поколения, это лишь ничтожная часть того, что ударит по детям и внукам.

Но стремления понять и объяснить чрезвычайную разницу двух хозяйственных систем в среде либеральных экономистов не видно – ни в России, ни на Западе. Как будто они не считают себя обязанными думать и не несут никакой ответственности за дела, которые творят.

Реформаторы и их западные наставники убили *хозяйственный организм*, а строения его не знают. И всякие ссылки на реформы Тэтчер, у которой якобы учился Чубайс, на приватизацию лавочек и мастерских в Польше при Лехе Валенсе – ложь и издевательство над здравым смыслом. Никакого подобия это не имеет промышленности СССР, которая представляла из себя один большой комбинат.

Это невежество мы видим в каждом срезе реформы. Например, советский строй породил тип промышленного предприятия, в котором производство было неразрывно *переплетено* с поддержанием важнейших условий жизни работников, членов их семей и вообще “города”. Это переплетение, идущее от традиции общинной жизни, настолько прочно вошло в коллективную память и массовое сознание, что казалось естественным.

Промышленное предприятие СССР не только не стало компанией, ориентированной на прибыль - оно даже не стало чисто производственным образованием. Оно было, как и община в деревне, центром *жизнеустройства*. Детский сад, поликлиника, дом отдыха, подсобное хозяйство, жилье, спортивный комплекс и т.д. - вот огромная социальная инфраструктура предприятия. Западные эксперты называют это «патологией нерыночной системы». Не будем обращать внимание на ругательный смысл, главное - признание этой реальности.

Ее и стали сразу же искоренять реформаторы по требованию западных экспертов. Наблюдение за попытками разорвать это переплетение, отделить производство от создания условий жизни позволило увидеть важную вещь, о которой мы не думали при советском строе. Соединение, кооперация производства с “жизнью” является источником очень большой и не вполне объяснимой экономии. Отопление бросовым теплом, отходящим при производстве электричества на теплоэлектроцентрали – один из примеров.

О социальных службах предприятий в России вышла целая книга экспертов ОЭСД. Из нее видно, насколько неадекватно они понимают экономическую суть советского предприятия, описывая его в понятиях рыночной экономики. Когда читаешь рекомендации экспертов, требующих ликвидировать «патологии советской системы», то кажется, что это писал людоед. Они признают, что разделение производства и социальных служб приведет к тяжелым страданиям людей, но требуют этого разделения, исходя из догм экономической теории.

Наконец-то надо признать, что сам выбор нелиберальной модели реформ в РФ означал радикальный отказ от тех *демократических* идеалов, которые поначалу обусловили в СССР поддержку перестройке. Как этого можно было не заметить? Большинство населения явно не поддержало постулаты реформы и ориентацию на западную модель экономики. Как показали опросы 1989-1990 гг., в сумме 63,5% опрошенных считали «самым ценным для СССР» опыт Японии и Китая, а 23% - опыт США.

Радикальный слом привычных форм жизнеустройства, предполагаемый программой МВФ, заведомо, *теоретически*, противоречил интересам большинства. Не случайно символами политики нелиберализма были Рейган, «железная леди» Тэтчер и Пиночет.

Как можно было, поддерживая приватизацию, то есть передачу национального достояния в руки небольшого меньшинства, ожидать демократизации общественной жизни? Это откат к прагматическому мышлению. Когда и где денежные тузы и олигархи были демократами? Если реформы в РФ и дальше будут идти по «либеральной» траектории, то ни о какой демократизации не может быть и речи – государство с неизбежностью будет становиться все более полицейским, разбогатевшая часть будет отделять себя от общества все более непроницаемыми сословными барьерами, а внизу будет

господствовать преступность и идти архаизация жизни как единственный способ выживания. В меньшем масштабе, но достаточно отчетливо это проявилось и на Западе в ходе неолиберальной волны.

Дж.Грей как будто прямо обращается к западной интеллигенции, поддержавшей неолиберальную реформу в России: «Будет жаль, если посткоммунистические страны, где политические ставки и цена политических ошибок для населения несравнимо выше, чем в любом западном государстве, станут испытательным полем для идеологий, чья стержневая идея на практике уже обернулась разрушениями для западных обществ, где условия их применения были куда более благоприятными».

В своем стремлении как можно быстрее и необратимо ликвидировать сохранившиеся структуры советской экономической и социальной системы реформаторы и их западные консультанты породили латентный, но непримиримый конфликт с большинством населения России. В 1995 г. социологи ВЦИОМ, говоря об отношении населения к реформе, сделали вывод: «Динамика сознания элитных групп и массового сознания по рассматриваемому кругу вопросов разнонаправленна. В этом смысле *ruling class* постсоветской России - маргинален». Об этом знали американские консультанты российского «правого класса» – и тем не менее считали себя демократами.

Говоря о восприятии большинства, мы обязаны обратить внимание на выводы крупного международного социологического исследования «Барометр новых демократий», которое проводился начиная с 1991 г. во всех республиках СССР. В августе 1996 г. руководители проекта «Новый русский барометр» Р.Роуз [R. Rose] (Великобритания) и К.Харпфер [K. Harpfer] (Австрия) писали в отчете: «В бывших советских республиках практически все опрошенные положительно оценивают прошлое и никто не дает положительных оценок нынешней экономической системе»¹⁰.

Если выражаться точнее, то положительные оценки советской экономической системе дали в России 72% опрошенных, в Белоруссии 88% и на Украине 90%.

Здесь мы говорим об экономике, но кризис является *системным*. Нельзя забывать, что деградация экономики идет на фоне огромных утрат в сфере образования, здравоохранения, науки – всех сторон общественной и личной жизни. Вот чем оборачивается для нас реформа - риском утраты самых драгоценных и незаменимых форм культуры. Каких трудов и жертв будет стоить народу России возрождение культуры, да и все ли мы сможем восстановить!

В ходе жестокого эксперимента над населением России, которым стала неолиберальная реформа, получен большой запас нового (во многом неожиданного) знания в области экономической теории. Именно когда ломают какой-то объект, можно узнать его внутреннее устройство и получить фундаментальное знание. Но этот миг короток. Знание, полученное при сломе советской экономики, практически не введено в научный оборот ни на Западе, ни в «незападных» странах. Его освоение затруднено и фильтром евроцентризма, и фильтром политических интересов. Если это знание, оплаченное страданиями миллионов жителей России, пропадет втуне, эту потерю будут оплачивать уже другие народы.

Разрушение государства

Нет в мировой истории злого дела, подобного перестройке – верховная власть убила государство своей страны! Минуту 20 лет с начала перестройки, надо вспомнить этот урок истории – в том числе интеллектуальной элите Запада, которая побуждала к этой безответственной программе российских адептов неолиберализма. Ведь подрыв государства и его главных функций заведомо ставил крест на возможности успешных реформ.

Сам Горбачев сегодня представляет себя бесстрашным Давидом, который сокрушил Голиафа: «Понимали ли те, кто начинал, кто осмелился поднять руку на тоталитарного монстра, что их ждет? Понимали ли они масштаб того, на что они идут?»

Кстати, а что их ждет? Разве кого-нибудь распяли или бросили в темницу за их дела? Все эти герои как сыр в масле катаются. Да еще и издеваются над своими бывшими подданными. Не было на Земле верховного правителя, который говорил бы такое о своем государстве, которому он присягал на верность и которое сам погубил: «Мои действия отражали рассчитанный план, нацеленный на обязательное достижение победы... Несмотря ни на что, историческую задачу мы решили: тоталитарный монстр рухнул!»

¹⁰ Р.Роуз, Кр.Харпфер. Сравнительный анализ массового восприятия процессов перехода стран Восточной Европы и бывшего СССР к демократическому обществу. - «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения». М.: ВЦИОМ. 1996, № 4.

Ненависть к государству и его собственности у Горбачева и его экономистов поражает. Она носит характер паранойи, как будто им видятся черти и демоны. Рассуждения на эту тему совершенно нелогичны – а ведь в советниках у них были видные западные интеллектуалы!

Вот, например, утверждение М.С.Горбачева: «Отличительной особенностью советской тоталитарной системы было то, что в СССР фактически была полностью ликвидирована частная собственность. Тем самым человек был поставлен в полную материальную зависимость от государства, которое превратилось в монопольного экономического монстра»¹¹.

Мыслимо ли такое слышать от главы государства! Но главное – его логика. Почему государство, обладая собственностью, становится «монстром»? При каком количестве собственности оно превращается в монстра и почему? А почему не монстр частная корпорация «Дженерал электрик», собственность которой побольше, чем у многих государств? И почему, если собственность государственная, то человек «поставлен в полную материальную зависимость от государства» - а, например, не от своего труда? В чем это выражается? Чем в этом смысле государственное предприятие хуже частного предприятия? В большинстве жизненно важных отношений оно для работников как раз намного лучше, это подтверждается и логикой, и практикой. Поэтому повсюду на Западе работники выходят на демонстрации против приватизации их предприятий. Все эти высказывания Горбачева - гипостазирование, фантазии, не имеющие реального смысла.

Нагнетая ненависть к государству, Горбачев вытаскивает из нафталина старый троцкистский тезис об «отчуждении» советского работника от собственности: «Массы народа, отчужденные от собственности, от власти, от самостоятельности и творчества, превращались в пассивных исполнителей приказов сверху. Эти приказы могли носить разный характер: план, решение совета, указание райкома и так далее - это не меняет сути дела. Все определялось сверху, а человеку отводилась роль пассивного винтика в этой страшной машине».

Все это – примитивная схоластика, имеющая целью подавить разум человека потоком слов. Почему же люди, имевшие надежное рабочее место на предприятии и широкий доступ к культуре (в том числе к изобретательской деятельности), становились «отчужденными от самостоятельности и творчества»? И эта глупость – кирпичик целого фантастического здания, выстроенного на ложных основаниях.

Горбачев закликает, как шаман, страшный образ «приказов сверху». А как же иначе может жить человек – не в джунглях, а в цивилизованном обществе? Как можно подрезать под корень организацию общества, которая сложилась за тысячелетия? «План, решение совета, указание райкома, сигналы светофора и так далее» – все это разные способы координации и согласования наших усилий и условий нашей жизни. Почему же им не надо подчиняться? Почему, если ты следуешь обдуманному плану действий, ты становишься «винтиком в этой страшной машине»? Да ведь это бред параноика или политического жулика – как могла западная интеллектуальная элита этого не видеть! Как она могла столько лет поддерживать верхушку советской номенклатуры, которая тянула в пропасть 300 миллионов человек! Как она могла поддерживать пропаганду безработицы, которая велась в терминологии жесткого социального расизма!

За период ельцинизма государство России было изуродовано и действительно приобрело некоторые монструозные черты. Первая из таких черт - коррупция. Это коррупция нового для России типа, коррупция «гибридного» общества, в котором культ денег либерального рынка соединился с архаичными способами самоорганизации преступных сообществ. Наверх поднялась *дно* советского общества. Условия для этого создала философия и практика реформаторов начала 90-х годов. Тогда наверх поднялась целая каста «идеологов коррупции», вплоть до декана экономического факультета МГУ Г.Попова, прославлявшего взятку.

Страна попала в порочный круг – коррумпированная часть государственного аппарата развращает еще здоровую часть чиновничества быстрее, чем удается «вылечивать» пораженные участки. Коррупция превращается в самовоспроизводящуюся систему и вырабатывает механизмы, автоматически разрушающие те защитные силы, которые может собрать для борьбы с ней государство и общество. Пораженная коррупцией часть чиновничества смыкается с преступным миром, чтобы сообща и целенаправленно растлевать, подкупать и подчинять как раз те органы государства и общества, что должны обеспечивать их безопасность – судебную систему и прокуратуру, органы госбезопасности, прессу и представительную власть. Возникает организованная преступность, которая параллельно с государством создает свою, теневую псевдо-государственность.

К настоящему времени все «институты коррупции» созрели настолько, что она уже задает особый тип жизни, создает в России параллельную «воровскую цивилизацию». Можно сказать, что в «рыночной России» возникла коррупция как особая общественно-экономическая формация, не описанная ни в каких учебниках. Марксист бы сказал, что возникли небывалые производственные отношения,

¹¹ М.Горбачев. Декабрь-91. Моя позиция. М.: Изд-во «Новости», 1992.

определяемые не господством капитала, а его сращиванием с госаппаратом в единую систему, связанную круговой порукой коррупции.

Коррупция приобрела международное измерение. Коррупцированные политики и чиновники на верхних этажах власти создают всемирную «серую зону» - преступный интернационал, где и принимаются самые важные решения по выгрызанию пространства нашей жизни.

Это – историческая ловушка. Если в начале реформы коррупция была инструментом разрушения советского государства и советского общественного строя, то уже с середины 90-х годов этот выпущенный демократами из бутылки джинн не просто стал жить своей жизнью, он стал всем диктовать свою волю. Если питательной средой коррупции вначале был целенаправленно созданный командой Горбачева-Ельцина экономический и духовный кризис, то теперь уже коррупция стала движущей силой этого кризиса – она его выращивает как свою питательную среду. Без чрезвычайных мер из этой ловушки уже не вырваться, и чем дольше мы в этой яме сидим, тем страшнее будут эти меры.

Второе, менее страшное, но не менее тотальное изменение государства – безудержный рост раковой опухоли бюрократии при безудержном же падении ее квалификации и ответственности. Тут проявилось странное болезненное свойство всего антисоветского проекта: любой *дефект* советского государства, на который направляли огонь своей критики либеральные интеллектуалы в СССР и на Западе, после уничтожения Советского Союза вдруг как будто вырывался на волю в зверском облики и в невиданном размере. Уже не как дефект, а как активное, организующее *зло*.

Так, говорилось, что советское государство отягощено разбухшим бюрократическим аппаратом. И это казалось правдой. Но это была заведомая неправда при сравнении с тем, что произошло в *антисоветском* государстве. В государственном аппарате управления всего СССР было занято 16 млн. человек. Около 80% его усилий было направлено на управление *народным хозяйством*. Сегодня в государственном аппарате России 17 млн. чиновников. Хозяйством государство теперь не управляет (90% его приватизировано), а населения в РФ вдвое меньше, чем в СССР. В результате реформы произошло десятикратное «разбухание» чиновничества относительно его функций!

То, что сотворила с государством неолиберальная реформа – лишь один из множества ее типичных аспектов. Здесь, как и в других аспектах, видна ее философская и духовная матрица. Она несовместима с общей рациональностью и этикой! Еще страшнее другое. Мир наблюдал, как в элите большой страны происходил распад всех устойчивых интеллектуальных конструкций, возникал мыслительный и нравственный хаос, на арену выходил дремучий, тупой социал-дарвинизм. И западные либералы, социал-демократы и даже значительная часть европейских коммунистов этому аплодировали. Это колоссальный провал западной культуры, страшный откат от норм и идеалов Просвещения.

Разрушение культуры России: социал-дарвинизм как философия реформы

В ходе перестройки произошел быстрое изменение мировоззрения и социально-философских представлений той части советской элиты, которая была ответственна за разработку и реализацию программы реформ. Во многом это было вызвано интенсивным интеллектуальным взаимодействием с западными коллегами неолиберального направления.

Эта культурная мугация, которая стала одной из причин глубокого кризиса, стала важным экспериментом в сфере общественного сознания и уже вошла в историю как достойное изучения явление культуры. Замечателен и тот парадоксальный, но регулярно повторяющийся в истории факт, что в туземной элите под давлением ее западных наставников происходит культурный регресс, сдвиг к антирационализму, назад от европейского Просвещения. Опыт великих реформаторов, проложивших в XX веке пути модернизации (Ленин, Сунь Ятсен, Ганди), показал, что успешно перенять опыт Запада можно только сохранив духовную и культурную автономию от него.

Антисоветские реформаторы России, напротив, стали эпигонами Запада – и тем самым, как ни парадоксально, изменили идеалам и рациональности Просвещения. В целом сообщество российских экономистов-«рыночников» приняло представление о мире и человеке, основанное на *социал-дарвинизме*, что противоречит всей культурной траектории России.

Это проявилось прежде всего в крайнем, доходящем до абсурда *натурализме*, и он был сразу распространен на экономику. Поразительно, как с помощью идеологии неолиберализма удалось замечательным образом стереть в сознании образованных людей вполне очевидную вещь – экономика суть явление *социальное*, присущее только человеческому обществу. Это порождение культуры, а не явление природы. Были сломаны все интеллектуальные барьеры против натурализации экономики, которые так усердно выстраивали Макс Вебер и Кейнс.

Экономист, многолетний декан факультета экономики Московского университета Г.Х.Попов изрек в начале реформ: «Социализм пришел, как нечто искусственное, а рынок должен вернуться, как нечто естественное». Отметим его стыдливость - противопоставляя социализму *капитализм*, он заменяет это слово термином «рынок».

А.Стреляный, ведущий радио «Свобода», сказал уже в 2001 г.: «Всё советское народное хозяйство, от первого тракторного завода до последней прачечной, появилось на свет неестественным путём. Эти искусственные создания (артефакты) и существовать могли только в искусственной среде, что значит за счёт казны, а не потребителя».

Называть «естественным» завод, построенный «по указке потребителя, а не Госплана» - глупость. Это такой же «артефакт», могущий «существовать только в искусственной среде». Ну как могли европейские интеллектуалы столько лет слушать подобную чушь и поддакивать ей!

Придание обществу черт дикой природы – культурная болезнь Запада, давно осмысленная и во многом преодоленная. Казалось невозможным, чтобы она в конце XX века вдруг овладела умами элиты российской интеллигенции – ведь много предупреждений было сделано не только русскими философами, но и с самого Запада. Мы переживаем уникальный в истории культуры случай, когда элита интеллектуального сообщества выступает в идеологии как сила обскурантистская, антинаучная – под аплодисменты элиты Запада.

Если сравнивать советское «семейное» и западное «рыночное» хозяйство, то рыночная экономия тем более не является чем-то *естественным* и универсальным. Уж если на то пошло, естественным (натуральным) всегда считалось именно нерыночное хозяйство, хозяйство ради удовлетворения потребностей - потому-то оно и обозначается понятием *натуральное хозяйство*. Разве не странно, что образованные люди перестали замечать эту отраженную в языке сущность.

Давно, с начала XX века стало понятно, что капитализм (рыночная система) – это особая, уникальная *культура*. Совмещение ее с иными культурами - огромная и сложная проблема. Наши реформаторы и пошедшая за ними часть интеллигенции эту проблему просто игнорировали.

Модный российский экономист В.Найшуль даже пишет статью под красноречивым названием «Ни в одной православной стране нет нормальной экономики». Если вдуматься, то это просто нелепое утверждение. Православные страны есть, существуют иные по полторы тысячи лет – почему же их экономику нельзя считать нормальной? Разве не странно, что экономисты считают нормальной экономику Запада – недавно возникший тип хозяйства небольшой по населению части человечества?

Дж. Грей писал об откате к «пещерному» либерализму: «Реальная опасность палеолиберальной мысли и политики во всем многообразии их форм заключается в непонимании их адептами того обстоятельства, что рыночные институты живы и прочно стоят на земле только до тех пор, пока они встроены в контекст культуры обществ, чьи потребности они призваны удовлетворять».

Через призму социал-дарвинизма стали реформаторы видеть *человека*. Право на жизнь (например, в виде права на труд и на жилье) стало ставиться под сомнение - сначала неявно, а потом все более громко. Положение изменилось кардинально в конце 80-х годов, когда это отрицание стало основой официальной идеологии. Пресса довела эти модели до формул крайнего мальтузианства, но не пресса создает модели, она лишь заостряет идеи, высказанные научными авторитетами.

В Верховном Совете СССР видный ученый Св. Федоров так выступал за приватизацию: «Природа дала животным зубы и когти. А для предпринимателя зубы и когти - частная собственность. Когда мы ее получим, мы будем вооружены». В прессе же обычным делом стали абсурдные заявления в духе социал-дарвинизма. Вот высказывание (1988 г.) одного из первых крупных советских бизнесменов Л.Вайнберга: «Биологическая наука дала нам очень необычную цифру: в каждой биологической популяции есть четыре процента активных особей. У зайцев, у медведей. У людей. На западе эти четыре процента - предприниматели, которые дают работу и кормят всех остальных. У нас такие особи тоже всегда были, есть и будут».

Та часть российского общества, которая объединилась на платформе неолиберальной реформы, приобрела сознание новой высшей расы («новые русские»), которые имеют право и даже обязаны эксплуатировать низшую расу к ее же собственной пользе. Теорию деления человечества на подвиды, ведущие внутривидовую борьбу, развивали видные социологи, идея «генетического вырождения» советского народа была общим фоном множества суждений, и никто из сообщества западных экономистов не указал на нелепости, которые нагромождали энтузиасты этой идеи.

Экономисты российской реформы исходили из принципов методологического индивидуализма и брали *homo economicus* как стандарт для модели человека. В целом весь дискурс господствующего меньшинства сообщества экономистов России стал проникнут биологизаторством, сведением социальных и культурных явлений к явлениям животного мира. В целом ряде выступлений социал-дарвинизм реформаторов доходил до жесткого социального расизма.

Для этого дискурса было характерно систематическое замалчивание той социальной цены, которую должны были заплатить граждане в ходе реформы. Экономисты выступили авторами и исполнителями

огромного подлога, обеспечив тотальную дезинформацию тех трудностей, которые должны были выпасть на долю общества, лишив его, таким образом, свободы волеизъявления. Иными словами, они выступили как орудие манипуляции общественным сознанием со стороны корыстно заинтересованного меньшинства.

Под демократическими лозунгами к власти в России пришло меньшинство с крайне антидемократическими взглядами. Поскольку массовое сознание в позднем СССР было проникнуто глубоким, хотя и не вполне «европейским», демократизмом, это вызвало тяжелый культурный шок – люди сами привели к власти эту новую элиту, а она, как оказалось, исповедовала социальный расизм.

Если бы режим России следовал нормам *буржуазной демократии*, то курс реформ Гайдара никак бы не прошел. Созыв за созывом (начиная с 1989 г. до 1999 г.) парламент этот курс отрицал, опрос за опросом показывал, что большинство населения этой реформы не приемлет. После краха СССР в сообществе экономистов сложилась компактная господствующая группа, объединяющей силой и ядром идейной основы которой является *антисоветизм*. У нее развито мессианское представление о своей роли как разрушителей «империи зла». Видный идеолог перестройки О.Лацис так писал о реформе: «Когда больной на операционном столе и в руках хирурга скальпель, было бы губительно для большого демократически обсуждать движения рук врача. Специалист должен принимать решения сам. Сейчас вся наша страна в положении такого больного». В рамках демократического мышления заявление О.Лациса чудовищно. Ведь у страны не спросили согласия на операцию, ее просто связали, повалили и изрезали – обманув и в отношении диагноза, и в отношении запланированного исхода.

Во время перестройки видные экономисты (Н.П.Шмелев, С.С.Шаталин) и социологи стали открыто пропагандировать *безработицу* – с нарушением норм рациональности и этики. В экономику, где была достигнута полная занятость, они призывали искусственно ввести вирус тяжелой социальной болезни.

Т.И.Заславская писала в важной статье 1989 г.: «По оценкам специалистов, доля избыточных (т.е. фактически не нужных) работников составляет около 15%, освобождение же от них позволяет поднять производительность труда на 20-25%. Из сопоставления этих цифр видно, что лишняя рабочая сила не только не приносит хозяйству пользы, но и наносит ему прямой вред... По оценкам экспертов, общая численность работников, которым предстоит увольнение с занимаемых ныне мест, составит 15-16 млн. человек, т.е. громадную армию... По данным опроса, 58% людей считают, что безработица в СССР недопустима,.. мнение о том, что безработица необходима для более эффективного хозяйствования, поддерживает всего 13%»¹².

Мнение большинства для российских «демократов» несущественно, и массовую безработицу в России они сделали реальностью. «Ненужных работников» столкнули на социальное дно, а «ненужных людей» еще глубже. Но какова была аргументация! «Освобождение» от 15% ненужных работников, по расчетам, поднимает производительность труда на 20%. Нетрудно видеть, что объем производства при этом возрастает на 2%. И из-за этого ничтожного результата в одном показателе, который будет в десятки раз перекрыт потерями в целом, социолог предлагает превратить 15-16 миллионов человек в безработных!

Н.П.Шмелев придает доводам в пользу безработицы *тотальный* характер, доводя их до абсурда. Он пишет в 1995 г., что в России якобы имеется огромный избыток занятых в промышленности *работников*: «Сегодня в нашей промышленности 1/3 рабочей силы является излишней по нашим же техническим нормам, а в ряде отраслей, городов и районов все занятые - излишни абсолютно»¹³.

Здесь вызванное утратой меры нарушение логики доведено до гротеска. Вдумайтесь в эти слова: «в ряде отраслей, городов и районов все занятые - излишни абсолютно». Как это понимать? Что значит «в этой отрасли *все занятые – излишни абсолютно*»? Что значит «быть излишним абсолютно»? Что это за отрасль? А ведь Н.П.Шмелев утверждает, что таких отраслей в России не одна, а целый ряд. А что значит «в городе N* все занятые – излишни абсолютно»? Что это за города и районы?

И ведь эта бредовая мысль о лишних людях России стала идеей-фикс академика, он ее повторяет где надо и не надо. В 2003 г. Н.Шмелев написал: «Если бы сейчас экономика развивалась по-коммерчески жестко, без оглядки на социальные потрясения, нам бы пришлось высвободить треть страны. И это при том, что у нас и сейчас уже 12—13% безработных. Добавьте к этому, что заводы-гиганты ближайшие несколько десятилетий обречены выплескивать рабочих, поскольку не могут справиться с этим огромным количеством лишних».

Господа экономисты и советники президентов, до чего же вы докатились!

Народное хозяйство, являясь частью национальной культуры, может быть подорвано даже без прямых политических действий (например, войны или реформы) – воздействием даже на самые тонкие и почти невидимые элементы культуры. Особое место в ней занимают *символы*. Они - отложившиеся в

¹² Т.И.Заславская. Перестройка и социализм. – В кн. «Постижение. Перестройка: гласность, демократия, социализм». М.: Прогресс. 1989. С. 230-232.

¹³ Н.П.Шмелев. Экономические перспективы России. - СОЦИС. 1995, № 3.

сознании образы вещей, явлений, человеческих отношений, которые приобретают *метафизический* смысл. Это часть оснащения нашего разума. Мир символов легитимирует жизнь человека в мире, придает ей смысл и порядок. Он упорядочивает также историю народа, страны, связывает ее прошлое, настоящее и будущее. Человек с разрушенным миром символов теряет ориентиры, свое место в мире, понятия о добре и зле.

Хозяйство имеет свой универсум символов и вне его просто не может существовать. В культуре России определенное символическое значение имели главные категории экономики – собственность и труд, богатство и деньги. Они были неразрывно связаны со всей системой символов, и их произвольное изъятие или подмена потрясали всю культуру. Кризис вызвала уже кампания по ликвидации священного смысла понятия *земля*, требование признать, что земля - не более чем средство производства и объект купли-продажи.

Образ национальной промышленности был тесно сцеплен в исторической памяти народа с образом Родины и ее безопасности. Проводя приватизацию, экономисты отвергали ее культурный смысл, даже издевались над тем, что советские заводы и фабрики были построены с чрезвычайными усилиями и жертвами прошлых поколений, буквально на их костях. Эти заводы, как и земля, имели символическое значение, обладали *святостью*. Насмешки над этим символом заложили в коллективное подсознание тяжелую ненависть к реформе.

Священным символом была и *наука*, национальная ценность России и особый храм русской культуры. Ее стали ликвидировать под пошлую песенку о нерентабельности. Пусть западные экономисты, которые советовали это российским реформаторам, знают, как это воспринималось русскими учеными. Один из недавно умерших крупнейших химиков России страдал оттого, что, будучи молодым солдатом Второй мировой войны, не погиб на фронте со своими сверстниками – и ему пришлось в старости видеть уничтожение замечательных лабораторий, созданию которых он посвятил полвека своей жизни.

Тяжелые последствия имела и манипуляция с символическим смыслом *собственности*. В русской культуре не было отрицания частной собственности, к ней относились *рационально*. Ее считали предметом общественного договора, который можно и нужно ограничивать человеческим законом. После 1920 г. ее ограничили, а в 80-е годы уже считали возможным вводить в хозяйство. И вдруг о собственности людям стали говорить с каким-то тоталитарным экстазом, требовать, чтобы советские люди поклонялись ей, как идолу. Архитектор перестройки А.Н.Яковлев поднял символ собственности на религиозную высоту: «Нужно было бы давно узаконить неприкосновенность и священность частной собственности».

Какой регресс мысли и чувства! Население собиралось спокойно и разумно освоить рыночные институты и частную собственность, и вдруг в России, среди культур, выросших из православия, ислама, иудаизма и буддизма, вылезает, как из пещеры, академик-экономист и заклинает: священна! священна!

В целом, идеологи реформы учинили в России разрушительный штурм символов. Они уничтожили *совесть* хозяйства и погрузили его в тяжелейший кризис. Разрушая символы, экономисты много сделали, чтобы устранить из экономики сами понятия греха и нравственности. Н.Шмелев писал: «Мы обязаны внедрить во все сферы общественной жизни понимание того, что все, что экономически неэффективно, - безнравственно и, наоборот, что эффективно - то нравственно». Здесь вывернута наизнанку формула соподчинения фундаментальных ценностей – *эффективности* и *нравственности*. Наркобизнес и поставка девушек в публичные дома Европы экономически эффективны? Значит, они нравственны. Эти экономисты ведут легитимацию не гражданского, а криминального общества.

Разрушение системы нравственных ориентиров наряду с социальным бедствием повлекло за собой в РФ взрыв массовой преступности. Ее жертвы, включая саму вовлеченную в преступность молодежь, ежегодно исчисляются миллионами – и это только начало нашего страшного пути. Ведь раскручивается маховик наркомании, который скоро сам создаст для себя двигатель – и остановить его будет очень трудно. Но ведь ко всему этому приложила свою руку элита мирового интеллектуального сообщества. Благодаря ее поддержке преступное сознание заняло господствующие высоты в экономике, искусстве, на телевидении. Рынок, господа! Культ денег и силы!

Что же теперь заламывать руки, ужасаясь детской преступности и «русской мафии». Помогли порно- и наркодельцам совершить культурную революцию, необходимую для слома советского жизнеустройства, так имейте мужество и силу увидеть последствия – это тоже норма рациональности.

Оборотной стороной социал-дарвинизма, разрушения «универсума символов» и иерархии нравственных ценностей стало создание в России системы *потребностей*, несовместимых с жизнью страны и народа. Последние 15 лет граждане России были объектом небывало мощной и форсированной программы по внедрению в их сознание потребностей западного общества потребления.

Начиная с середины XX века потребности стали интенсивно экспортироваться Западом в незападные страны через механизмы культуры. Разные страны по-разному закрывались от этого

экспорта, сохраняя баланс между структурой потребностей и теми реально доступными ресурсами для их удовлетворения, которыми они располагали. Таким барьером, например, было закрыто крестьянство в России, а затем и советское общество. Крестьянину и в голову бы не пришло купить сапоги или гармонь до того, как он накопил на лошадь и плуг – он ходил в лаптях. Так же в середине века было защищено население Индии и в большой степени Японии.

При ослаблении этих защит происходит, по выражению Маркса, «ускользание национальной почвы» из-под производства потребностей, и они начинают полностью формироваться в центрах мирового капитализма. По замечанию Маркса, такие общества, утратившие свой культурный железный занавес, можно «сравнить с *идолопоклонником*, чахнувшим от болезней христианства».

Культурная защита СССР была обрушена в годы перестройки ударами идеологической машины. При этом новая система потребностей была внедрена не на подъеме хозяйства, а при резком сокращении ресурсной базы для их удовлетворения. Это породило кризис сознания и быстрый регресс хозяйства – с одновременным распадом солидарных связей.

Когда идеологи и экономисты проводили эту акцию, они преследовали конкретные политические цели. Но удар по здоровью страны нанесен несопоставимый с этими целями – создан порочный круг угасания народа. Приняв вирус «потребностей идолопоклонника» при архаизации производства, население России получило реальный шанс «зацахнуть» едва ли не в подавляющем большинстве.

Выработкой нового проекта солидарного рационального мыслящего общества с полноценным универсумом символов – трудная задача, к которой нам не дают подступиться, в том числе используя авторитет западной науки.

Какую субкультуру поддержал Запад в России?

В последней кампании «холодной войны» против СССР Запад заключил альянс с тремя социальными группами внутри советского общества, с тремя его *субкультурами*. Это часть партийно-бюрократической номенклатуры, часть интеллигенции, занявшая антисоветскую позицию, и часть преступного мира. Это разнородное социальное образование, преследующее разные цели, но заинтересованное в сломе советской государственности и экономики, получило на Западе условное название *демократов* и *либералов*.

При помощи СМИ и непрерывного повторения этих определений они вошли в обиход как на Западе, так и в СССР. Наш ум заполнили ложными именами, словами, смысл которых менялся и искажался до неузнаваемости. Говорили «демократия» и расстреливали парламент. Говорили «священная собственность» - и воровали сбережения целого народа. Говорили «права человека» - и делали людей абсолютно незащитными против подонков и хамов, захвативших деньги и власть.

Понятия *демократ* и *либерал* перестали быть объектом рефлексии и начали оказывать разрушительное воздействие на сознание – ввиду дикого несоответствия этих понятий реальной культуре, мировоззрению и образу действий этой активной группы, которая осуществила большой социальный проект, условно называемый «ельцинизмом». Западная элита, прямо ответственная за этот проект, обязана, наконец, вникнуть в его суть и гласно определить свое к нему отношение, хотя бы и с опозданием.

Либерализм в общепринятом понимании определен тремя взаимосвязанными наборами признаков (философия, политика, экономика). По ним и пройдем.

По своей философии ельцинизм принципиально и радикально противостоял либерализму - в гораздо большей степени, нежели русский большевизм. Либерализм исходит из фундаментальной категории *прав личности*. Но для ельцинизма самого этого понятия не существует. Незаметно, но прочно в обиход российских реформ вошел термин - *правовой беспредел*, термин сам по себе уголовный¹⁴. Именно то, что он прижился незаметно, говорит о его соответствии реальности. Никогда еще простой человек, не относимый к политическим противникам («просто личность») не был так радикально лишен его естественных и социальных прав и не был так незащищен против произвола самых разных «сильных», как в России периода ельцинизма.

Очевидно, что советское общество не было либеральным (оно относилось к типу *традиционных* обществ). Общественный договор, которым оно было скреплено, предполагал не эквивалентный обмен, а множество взаимозависимостей - долг, любовь, служение и т.д. Режим Ельцина разрушил эти связи, но

¹⁴ *Беспредел* – категория преступников, которая отвергла всякие нравственные ограничения («пределы»).

при этом вовсе не произошел сдвиг к либерализму. Напротив, отношения резко сдвинулись дальше от равновесия, от эквивалентности обмена - у *угнетению* и силе *страха*.

В течение всего этого периода усиливалось изъятие ресурсов, включая минимально необходимые, у большинства населения меньшинством, которое опиралось на политическую власть и криминальную силу. Так, ставшая тогда обычной *невыплата зарплаты* абсолютно несовместима с философией либерализма, поскольку в акте купли-продажи рабочей силы и рабочий, и работодатель выступают как равноправные партнеры-собственники. Невыплата зарплаты - такое же воровство товара, как кража сюртука или сапог. Это акт, разрушающий главную скрепляющую либеральное общество связь.

Псевдо-государство Ельцина с самого начала открыто отказалось быть «ночным сторожем», оно стало сообщником и защитником грабителей. При этом государство не стало патерналистским, оно отвергло принципы общества как семьи. Для России это - новое явление, но в нем нет и следа либерализма.

В философском смысле либерализм означал расцвет гуманизма (возвеличения человека), веру в свободу и прогресс, большое внимание к этике. Все это вытекало из идеалов Просвещения. Философская база ельцинизма несовместима с духом Просвещения, она ему органично враждебна.

Ранний капитализм неразрывно связан с рождением науки, нового способа познания мира. Режим Ельцина был принципиально *антиинтеллектуален*. Он уничтожил русскую науку без всякой политической или экономической необходимости, со злорадством и даже сладострастием. Он воплощал собой воинствующую тупость и обскурантизм. Ни о какой генетической связи с либерализмом здесь не может быть и речи.

Наконец, искусство. Большинство произведений, которые составляют нашу культурную пищу сегодня, созданы в XIX веке под воздействием либерализма, его общего оптимизма. Режим Ельцина - уникальное явление в истории культуры, он оказался бесплодным в духовной сфере. Целое десятилетие «революции новых русских» не дало ни одной песни, ни одного стихотворения, только всплеск эстетики безобразного. Вот слова идеолога реформы А.Н.Яковлева: «Будет очень жаль, если мы в своей очистительной, освободительной работе низведем культуру до абсолютно примитивного уровня. Но я думаю, этим надо переболеть». Таков их либерализм, их «освободительная» работа - низвести культуру до абсолютно примитивного уровня.

Вся *политическая философия* либерализма исходит из идеи равновесия. Из нее выросли представления о гражданском обществе, разделении властей и правовом государстве. Все это - равновесная система, стабилизированная противовесами. Здесь, например, немислимо такое преобладание власти президента, к которому с самого начала стремились российские «демократы». В либеральной системе оппозиция должна быть почти столь же сильной, как власть, ее партии и ее пресса финансируются государством, она по закону имеет на телевидении в своем распоряжении долю экранного времени, пропорциональную числу мест в парламенте.

В России, наоборот, была построена неустойчивая, крайне неравновесная политическая система по типу режимов Мобуту и Батисты, ее весьма условно можно было назвать даже президентской республикой. То, что эта система не приняла зверских форм, определяется исключительно культурой населения. Идея равновесия предполагает обратимость процессов, здесь не допускаются фатальные решения, сломы. Напротив, политическое мышление соратников Ельцина было *катастрофично*. Они не раз прямо заявляли, что их миссия - создание необратимостей. С либерализмом это просто несовместимо.

В сфере политики либерализм - антипод тоталитаризма и даже авторитаризма. Напротив, и мышление, и практика наших реформаторов предельно тоталитарны. Прославление Пиночета в прессе и на митингах «демократов», крики «Дашь стадион!» - не экстравагантные выходки¹⁵. Это - общая установка всего спектра реформаторов, их философия.

Маска либералов сбрасывалась демонстративно. Вот как это обосновывал министр экономики Е.Ясин: «Я, оставаясь преданным сторонником либеральной демократии, тем не менее убежден, что этап трудных болезненных реформ Россия при либеральной демократии не пройдет. В России не привыкли к послушанию. Поэтому давайте смотреть на вещи реально. Между реформами и демократией есть определенные противоречия. И мы должны предпочесть реформы... Если будет создан авторитарный режим, то у нас есть еще шанс осуществить реформы».

Перейдем к *экономике*. Понятно, что сегодня возврата к свободному рынку не может быть в принципе. Свободный рынок, преобразовавшись в глобальный рынок ТНК, регулируемый государственными соглашениями, просто не может вновь возникнуть - его зародыши мгновенно «пожираются» современным рынком. Но, может быть, ельцинисты хотя бы следовали философии

¹⁵ Имелся в виду стадион в Сантьяго-де-Чили, куда в дни военного переворота Пиночета свозили сторонников правительства Альенде.

хозяйства, свойственной либерализму? Практика показала, что нет, они и здесь противоречили главным принципам либерализма. Главная категория либерализма - *собственность*.

Как же отнеслись к категории собственности ельцинисты? С нигилизмом, который характерен только для уголовного мира. Неважно, что они произносили ритуальные заклинания о священном праве собственности. Это - маска. То изъятие личных сбережений целого народа, которое демократы предприняли в 1992 г., не имеет прецедента. Внимательный анализ той акции и всей сопровождавшей ее риторики, по сути, снимает сам вопрос о принадлежности ельцинистов к либерализму. А ведь была целая серия подобных акций. Например, изъятие и присвоение огромной собственности ряда общественных организаций.

Изъятие собственности у нации (приватизация) было проведено как грабеж, без малейшего намека на компенсацию. Афера с ваучерами - имитация компенсации небольшой части граждан на индивидуальной основе - была проведена настолько нагло, что всерьез никем принята не была и никакой легитимации новой собственности не осуществила. Даже в сознании тех, кто собственностью завладел. Либеральной экономики на этой основе построить в принципе нельзя.

Уклад «рыночной» России и либеральный капитализм - это разные экономические, социальные и культурные явления по всем важнейшим признакам. Запад поддержал российских «капиталистов» из чисто политических интересов, как поддерживал Сомосу - «сукина сына, но их сукина сына». Потому что российские «капиталисты» подрядились сломать советский строй, развалить СССР, обезоружить армию, уничтожить сильную промышленность и науку, допустив Запад к ресурсам России.

Философский и культурный генотип того режима, который установился в России – это генотип маргинального, паразитического меньшинства, которое вдруг приведено к власти. Организовать жизнеустройство ни по типу коммуны (советский строй), ни по типу гражданского общества (капитализм) такое меньшинство не может. Никаких перспектив оздоровления и преодоления кризиса этот уклад не имеет - не вследствие ошибок или нехватки ресурсов, а именно из-за своего культурного и философского генотипа.

Миф об экономическом кризисе в СССР

Замысел и философские основания перестройки хозяйства реформаторы никогда в связном виде не излагали и на общественный диалог по этому поводу не шли. Невозможно, например, найти внятное объяснение их стремления разрешить свободную куплю-продажу земли сельскохозяйственного назначения или расчленив и приватизировать Единую энергетическую систему - высшее достижение технической мысли и системного подхода в энергетике, которая при ее расчленении превратится в конгломерат посредственных, во многих случаях нерентабельных электростанций. Какими же доводами убедили советскую интеллигенцию?

Главный аргумент сводился к следующему: *«Советская система хозяйства улучшению не подлежит. Она должна быть срочно ликвидирована путем слома, поскольку неотвратимо катится к катастрофе, коллапсу»*.

Открыто эта формула стала излагаться лишь после 1991 г., до этого никто в нее бы просто не поверил, даже рассмеялся бы - настолько это не вязалось с тем, что мы видели вокруг себя в 70-80-е годы. Каждый может сегодня взглянуть на фактические показатели и убедиться, что, согласно всем главным параметрам, прежде всего инвестициям, призрака катастрофы в середине 80-х годов мог привидеться только в больном воображении. Никаких признаков коллапса не было. Даже у тех, кто в этот назревающий коллапс верил, это были лишь предчувствия, внушенные постоянным повторением этой мысли «на интеллигентских кухнях». Достаточно посмотреть на массивные, базовые показатели, определяющие устойчивость экономической основы страны. Никто в этих показателях не сомневался и не сомневается. Первые признаки кризиса проявились в 1990 г. – после того, как в 1988 г. была начата экономическая реформа по «переходу к рынку», еще до расчленения СССР.

Таблица. Основные экономические показатели СССР за 1980—1990 гг.

	1980	1985	1986	1987	1988	1990
--	------	------	------	------	------	------

Валовой национальный продукт, млрд. руб.	619	777	799	825	875	943
Производственные основные фонды всех отраслей народного хозяйства (в сопоставимых ценах 1973 г.), млрд. руб.	1150	1569	1651	1731	1809	1902
Продукция промышленности (в сопоставимых ценах 1982 г.), млрд. руб.	679	811	846	879	913	928
Продукция сельского хозяйства (в сопоставимых ценах 1983 г.), млрд. руб.	188	209	220	219	222	225
Ввод в действие жилых домов, млн. кв. м	105	113	120	131	132	129
Отправление грузов транспортом общего пользования, млрд. т	11,9	12,3	12,8	13,1	13,2	13,0
Мощность электростанций, млн. квт	267	315	322	332	339	341
Добыча топлива (в пересчете на условное), млн. т.	1896	2073	2166	2230	2287	2271

Сегодня специалисты начинают признавать, что согласно экономическим критериям никакого приближения фатального кризиса в СССР не наблюдалось. Вот выводы ретроспективного анализа экономического состояния СССР: «Исключительно важно подчеркнуть: сложившаяся в первой половине 80-х годов в СССР экономическая ситуация, согласно мировым стандартам, в целом не была кризисной. Падение темпов роста производства не перерастало в спад последнего, а замедление подъема уровня благосостояния населения не отменяло самого факта его подъема»¹⁶.

Отсутствие кризиса было зафиксировано в докладах ЦРУ, опубликованных позже, а также в открытых работах американских экономистов. Американские экономисты М.Эллман и В.Конторович, специализирующиеся на анализе советского хозяйства, пишут в книге «Дезинтеграция советской экономической системы» (1992): «В начале 80-х годов как по мировым стандартам, так и в сравнении с советским прошлым дела... были не столь уж плохи».

Тем не менее, вывод о «неэффективности» советского хозяйства был утверждён ведущими авторитетами экономической науки как непререкаемая догма. Была создана такая обстановка, что ни в СССР, ни на семинарах и конференциях на Западе не было никакой возможности поставить эту догму под сомнение или потребовать ее мало-мальски серьезной проверки. Тот, кто пытался это сделать, буквально подвергался остракизму и заносился в «черный список». Он выбывал из профессионального сообщества.

А ведь этот вывод стоит на явных методологических подтасовках. В качестве стандарта сравнения для экономики СССР были взяты развитые капиталистические страны («первый мир») - очень небольшая группа, в которой проживает лишь 13% человечества. Этот выбор не обоснован ни исторически, ни логически. Самые элементарные критерии подобия, необходимые для такого сравнения, не соблюдаются.

Страны «первого мира», взятые за образец, получили для своего развития огромный стартовый капитал за счет колоний. На эти деньги было создано «работающее» до сих пор национальное богатство (дороги, мосты, здания, финансовый капитал и т.д.). СССР не имел таких источников, Россия не эксплуатировала, а инвестировала национальные окраины. Отставание СССР от Запада в накопленном национальном богатстве колоссально, этот разрыв быстро преодолевался, но требовал времени.

Экономическое и технологическое развитие протекает нелинейно. Сравнить системы, находящиеся на разных стадиях своего жизненного цикла, неправомерно. В частности, СССР в 70-80-е годы вошел примерно в ту фазу индустриального развития, которую Запад прошел в 30-е годы с тяжелейшим структурным кризисом. Структурная перестройка производства в СССР проходила несравненно более мягко, нежели на Западе в период «Великой депрессии». А в 50-60-е годы никому и в голову не приходило говорить о неэффективности плановой экономики.

Капиталистическая экономика существует в форме единой, неразрывно связанной системы «первый мир - третий мир». Т.н. развитые страны представляют собой лишь витрину, небольшую видимую часть айсберга этой системы. Массивная часть («третий мир») поставляет минеральные, энергетические и человеческие ресурсы и принимает отходы, в том числе кризисы.

Если представить себе, что Запад внезапно оказался отрезанным от потока ресурсов из третьего мира, его экономика испытала бы коллапс. Малейшие попытки хоть небольшой части третьего мира

¹⁶ Л.Б.Резников. Российская реформа в пятнадцатилетней ретроспективе. – «Российский экономический журнал», 2001, № 4.

контролировать поток ресурсов вызывают панику на биржах и мобилизацию всех средств давления (война в Ираке начиная с 1990 г. это показала с полной очевидностью). СССР доступа к дешевым ресурсам третьего мира был практически лишен – о каком же сравнении «экономической» эффективности хозяйства СССР и Запада может идти речь в столь неравных условиях?

Даже тезис об отставании советской экономики по критерию «уровень потребления» несостоятелен, если его прилагать ко всей системе «первый мир - третий мир», а не к ее витрине. В среднем уровень потребления всех людей, непосредственно включенных в технологическую цепочку производства западных стран, был гораздо ниже, чем в среднем уровень потребления в СССР.

Россия (СССР) жила, по выражению Менделеева, «бытом военного времени» - лучшие ресурсы направляла на военные нужды. Как бы мы ни оценивали сегодня эту политику, она имела под собой исторические основания. Ее надо принять как данность, отвлекающую на внеэкономические нужды большие ресурсы¹⁷. Та часть хозяйства, которая работала на оборону, не подчинялась критериям экономической эффективности (а по другим, вполне разумным, критериям она была весьма эффективной – гарантировала устранение военной угрозы для СССР). Да и заметим очевидное - обеспечить военный паритет с Западом на современном уровне убогая и неэффективная экономика не смогла бы.

В действительности советская система была исключительно эффективна (конечно, если под эффективностью понимать соотношение *эффекта и ресурсов*). По фундаментальным параметрам СССР имел жизнеобеспечение того же типа, что и Запад – при гораздо меньших экономических ресурсах и при отсутствии присущей Западу большой «ниши бедности». Чтобы представить себе советский образ жизни, нам следовало бы, как сделал Ф.Бродель для Европы, описать структуры повседневности: что ели советские люди, как одевались, чем болели, чего *боялись!* «Карта страхов» очень красноречива. В зрелой советской системе люди вообще не включали в обычный для социологов набор важнейшие для большинства стран страхи: перед бедностью, голодом, безработицей, бездомностью, насилием преступников, репрессиями государства и межнациональными конфликтами. Сейчас все эти страхи возникли и вышли в России на первые места.

Из всего сказанного вовсе не следует, что экономика СССР была устроена хорошо и ее не надо было реформировать. Речь о том, что политизированные экономисты навязали обществу фальшивые критерии эффективности и с помощью ложных аргументов убедили разрушить лучшую часть национального достояния – научно-техническую систему и самую развитую часть промышленности и сельского хозяйства. Кроме того, они призвали к демонтажу всех систем социального обеспечения, которые позволяли при весьма небольшом еще национальном богатстве создать всем гражданам достойный уровень жизни.

Но самое поразительно заключается в следующем. Реформа в России длится более 15 лет, все получили за эти годы большой и наглядный опыт. Допустим, советское хозяйство было плохое, но как же можно было пропагандировать переход к такому типу хозяйства, который несравненно хуже советского? Ведь в самом лучшем случае элита мирового сообщества экономистов в этом вопросе *ошиблась*. Так надо признать это и совместно выяснить причины ошибки! Как можно отказываться от пересмотра ошибочных воззрений – и продолжать называть себя учеными? Ведь российские реформаторы в 1990-2000 гг. точно выполнили предписания экономистов МВФ и огромной армии западных экспертов, которые были консультантами правительства Ельцина.

Реформы породили абсолютно ненормальную экономическую систему - в ней происходит отток средств производства из отраслей, призванных удовлетворять самую острую, жизненную потребность. Значит, сделана фатальная ошибка в экономической политике (если хозяйство не удушается преднамеренно или из корыстных побуждений – мысль, которую мы в первом приближении отвергаем).

Вот только один пример. Первая жизненная потребность - *питание*. В СССР был обеспечен достаточный и сбалансированный по основным показателям рацион питания, и он улучшался (при всех известных дефектах в системе переработки, хранения и распределения). Имея 6% населения Земли, СССР производил 13-16% продовольствия. Да, улучшали рацион населения импортом, из 70 кг потребляемого на душу населения мяса импортировали 2 кг (зато экспортировали 10 кг рыбы).

Чего добились реформаторы? Создали такие условия, при которых производство продовольствия в России стало убыточным - при том, что крестьяне прекратили капиталовложения и снизили даже собственное потребление до небывалого минимума. Рынок - механизм, соединяющий производство с общественной потребностью, и он это якобы делает лучше, чем план. В России мы имеем острую общественную потребность в продуктах питания, а значит, в удобрениях, используемых в сельском хозяйстве. И имеем развитое производство удобрений. Как соединил производителя и потребителя удобрений тот «рынок», который создан нынешним режимом? Он их катастрофически разъединил.

¹⁷ У.Фостер, министр при Трумене и при Кеннеди, так обосновывал удвоение военных расходов США: это, мол, заставит СССР сделать то же самое и «лишит русский народ трети и так очень скудных товаров народного потребления, которыми он располагает».

Перед этим, в 1988-1991 гг. была проведена массированная идеологическая кампания против применения минеральных удобрений (по своему типу сходная с кампанией против металлургии и энергетики). Динамика поставок удобрений сельскому хозяйству России показана на рис. 3.

Проект века – деиндустриализация России

В 90-е годы XX века, после ликвидации советского строя, новый политический режим приняли исполнению программу МВФ, главные идеи которой были выдвинуты ведущими и официально признанными экономистами Запада. Эти идеи господствовали в западных СМИ и внедрялись в сознание образованной элиты Запада и в массовое сознание западного общества.

Одной из принципиальных установок программы реформ в России в то десятилетие было проведение *деиндустриализации* страны. Это – беспрецедентная по своей направленности и масштабу программа. История не знала примеров сознательного демонтажа промышленной инфраструктуры огромной индустриальной страны. Эта промышленность представляла собой примерно половину всей техносферы России, причем половину, неразрывно связанную со всеми системами жизнеобеспечения. В этой части техносферы были сосредоточены высокоорганизованные потоки материи и энергии колоссальной интенсивности, огромные запасы материальных ценностей и потенциальные источники опасности. Здесь находилась примерно треть всех рабочих мест страны. К промышленности примыкал мощный унаследованный от СССР научно-технический потенциал.

Очевидно, что решение демонтировать такую систему было сопряжено с исключительно высокой ответственностью и рисками. Сама эта операция представляла собой совершенно новый и необычный вызов всей экономической науке. Ведь для подобной программы не было ни теоретической базы, ни эмпирического опыта. Побудив правительство России предпринять такую программу, элита западной экономической науки была обязана обеспечить ее непрерывное научное сопровождение, постоянный мониторинг процесса и регулярный гласный – в мировом масштабе – анализ результатов и прогнозирование последствий.

Этой обязанности западные экономисты не выполнили. Как только хозяйство и социальная сфера России стали при первых же шагах реформы втягиваться в катастрофу, вся большая бригада западных экспертов и советников *замолчала*. Были отрывочные реплики вскользь, в основном общего морализаторского характера *отдельных персон*. Но никогда за этими репликами не стояло мнения сообщества, основанного на нормальном техническом анализе и зафиксированного в нормальных, принятых в науке формах. Не было целостных текстов и выступлений, которые затем были бы представлены в научной литературе и СМИ как рациональные умозаключения, определяющие *парадигму*.

Та интеллектуальная оппозиция, которая пыталась в России противостоять доктрине деиндустриализации, искала такие тексты, которые были бы для нее большим подспорьем – и не находила. Более того, уже первые, очень робкие попытки правительства Примакова, а затем и администрации В.В.Путина остановить процесс деиндустриализации вызвали крайне резкие, часто беспрецедентно грубые окрики западных политиков и СМИ – при полном молчании элиты экономической науки. А правительство Белоруссии, которая определенно отказалась от программы деиндустриализации, прямо названо диктаторским, а Белоруссию уже чуть ли не зачислили в страны-изгои. Почему же молчит экономическая наука? Ведь экономические и социальные результаты решения Белоруссии налицо.

Вспомним: те действия, которые были совершены над промышленной системой России, всего за 4 года вызвали спад объема производства более чем в два раза! А гражданское машиностроение сократилось почти в шесть раз. Динамика дана на рис. 4.

В докладе американских экспертов (А.Эмсен и др.) говорится: «Ни одна из революций не может похвастаться бережным и уважительным отношением к собственному прошлому, но самоотрицание, господствующее сейчас в России, не имеет исторических прецедентов. Равнодушно взирать на банкротство первоклассных предприятий и на упадок всемирно-известных лабораторий – значит смиряться с ужасным несчастьем».

Но ведь дело не в равнодушии и не в уважении к прошлому. Явлинский, Гайдар и Чубайс делали в точности то, чему их научили их американские наставники. Давайте говорить не о морали этих личностей-пешек, а о той парадигме, которая предопределила их действия. Одни эксперты при виде российского «ужасного несчастья» торжествуют, другие страдают – это их личное дело. России, да и всему человечеству нужна их рефлексия как ученых. При их участии и даже под их интеллектуальным давлением на глазах всего мира был поставлен жестокий, травмирующий эксперимент над хозяйством большой страны. Эксперимент дал исчерпывающую информацию – так подведите итог, сообщите выводы! Этого не делается. Значит, вы, господа, недобросовестны.

Эта позиция оказывает прямое практическое влияние на Россию. Ведь главные идеологии неолиберальной реформы даже после катастрофы в промышленности несколько не изменили своих установок. Это однозначно указывает на то, что они продолжают пользоваться поддержкой своих коллег на Западе.

Н.П.Шмелев в важной статье 1995 г. так трактует перспективы промышленности России: «Наиболее важная экономическая проблема России - необходимость избавления от значительной части промышленного потенциала, которая, как оказалось, либо вообще не нужна стране, либо нежизнеспособна в нормальных, то есть конкурентных, условиях. Большинство экспертов сходятся во мнении, что речь идет о необходимости закрытия или радикальной модернизации от 1/3 до 2/3 промышленных мощностей...»

Если, по существующим оценкам, через 20 лет в наиболее развитой части мира в чисто материальном производстве будет занято не более 5% трудоспособного населения (2-3% в традиционной промышленности и 1-1,5% в сельском хозяйстве) - значит, это и наша перспектива¹⁸.

Подписываются экономисты Гарвардского университета под этими безумными утверждениями. Вчитайтесь! Критерием «нормальности» экономики академик считает не степень удовлетворения жизненных потребностей населения и страны, а наличие *конкуренции*. Это – поразительная вещь, ибо даже Гоббс признавал, что существуют два примерно равноценных принципа устройства хозяйства – на основе *конкуренции* и на основе *кооперации*, сотрудничества.

На что же готов пойти Н.П.Шмелев ради приобретения такого блага, как «конкурентность»? На ликвидацию до 2/3 всей промышленной системы страны! Ну можно ли считать это рациональным утверждением? Черным по белому написано, что *деиндустриализация* – «наиболее важная экономическая проблема России».

Замечу, что к 1995 г. стало очевидно уже и из практического опыта, что ни о какой «радикальной модернизации» промышленности в программе МВФ и речи не идет – происходит именно ликвидация «от 1/3 до 2/3 промышленных мощностей». Даже напротив, в первую очередь ликвидируются самые современные производства. И это дикое в своей иррациональности стремление уничтожить отечественную промышленность было распространено в элите экономистов довольно широко.

Оно не исчезло и сегодня. Вот что сказал глава команды экономистов Горбачева и Ельцина академик А.Г. Аганбегян, выступая в Новосибирском университете 1 декабря 2003 г.: «Рынок — это система, где производится то, что может быть оплачено со стороны потребителей. В плановом хозяйстве производилось много продукции, которая не была востребована... Когда перешли к рынку, цена на тракторы резко выросла, в результате производство тракторов сократилось примерно в 20 раз. Такие примеры можно привести и по грузовикам, и по бульдозерам, и по железнодорожным вагонам, и по станкам, и по многому другому... Поэтому переход к рынку — крайне болезненная вещь, связанная с огромным сокращением производства»¹⁹.

На мой взгляд, логику этого рассуждения можно назвать шизофренической. Здесь привычные понятия вывернуты наизнанку, так что все рассуждение перемещается в какое-то зазеркалье. Почему же тракторы, вагоны, грузовики были в СССР «невостребованы»? Ведь ими пользовались, их не хватало, общество требовало перестроить экономику именно для того, чтобы всех этих вещей производить *больше*. А главные экономисты, значит, стремились к совершенно противоположному - организовать в стране «огромное сокращение производства»! А значит, и потребления для большинства населения, и возможностей развития страны. На быденном языке это называется «*враги народа*».

Для той части западного сообщества экономистов, которая консультировала или молчаливо поддерживала программу уничтожения российской промышленности, сегодня никак нельзя отмачиваться. Они должны или признать и объяснить допущенные ими фундаментальные ошибки – или признаться, что выполняли чисто политический заказ в «холодной войне» против России.

Подрыв легитимности советского хозяйства и нормы рациональности

Одним из главных направлений идеологической кампании, которая велась для подрыва легитимности советского хозяйства, было внедрение мысли о том, что оно якобы «*работает на себя, а не на человека*». Частое повторение высшими авторитетами экономистов этого иррационального

¹⁸ Н.П.Шмелев. Экономические перспективы России. – СОЦИС. 1995, № 3.

¹⁹ http://econom.nsc.ru/eco/2004_01/

утверждения сделало его привычным - при том, что оно несовместимо со здравым смыслом. Сила его воздействия определялась тем, что оно одновременно разрушало и логику, и меру.

Недавно Горбачев выдал такую сентенцию о советском хозяйстве: «Надо было менять структуру. Ведь всего 8-10% фондов работало на обеспечение жизненных условий людей. Все остальное работало или само на себя или на оборону».

Это нелепость! Только жилищно-коммунальное хозяйства (жилье, теплоснабжение и пр.) составляло около трети фондов страны. А что значит, например, что фонды свинофермы или московского метро «работали сами на себя»? И разве оборона не «работает на обеспечение жизненных условий людей»? Когда таким глупостям аплодируют короли, философы и ученые мирового сообщества, Разум еще на шаг отступает к пещере. А ведь им аплодируют уже 20 лет.

Пропаганда *деиндустриализации* сводилась к дискредитации всех отраслей производства СССР, которые составляли ядро хозяйства, базу для его развития и даже поддержания. Эта кампания наносила сильнейший удар по рациональности хозяйственной политики и имела для населения трагические последствия. Тогда, в угаре перестройки и реформы, большинство граждан этого не понимало. Сегодня эту историю надо осмыслить и извлечь из нее урок. Ведь перед нами совершенно новое и опасное явление в истории мировой культуры – идеологическая диверсия элиты авторитетного профессионального сообщества экономистов в большой информационно-психологической войне мирового масштаба. Диверсия, успех которой имел огромное геополитическое значение

Коснемся кратко металлургии, энергетики и производства сельскохозяйственных машин.

Миф об избытке стали в СССР

Приоритетным императивом хозяйственной политики СССР было укрепление *металлического фонда* страны через развитие отечественной металлургии.

Железо, «один из фундаментов цивилизации» - важнейший материал, сыгравший революционную роль в развитии культуры. Важным показателем развития страны является накопленный в ней *металлический фонд*. Это объем металлов, содержащийся во всех видах основных и оборотных фондов народного хозяйства и в быту у населения.

Металлический фонд Российской империи в 1911 г. был 230 кг на душу населения. В 1920 г. металлический фонд начинающего свой путь СССР был в 12 раз меньше, чем в США. Прирастать он начал только с 1924 г. и достиг в 1932 г. около 320 кг на душу. После потерь металла во время войны и восстановления хозяйства, в 60-е годы СССР вошел с металлическим фондом, в 3 раза меньшим, чем США, и даже существенно меньшим, чем США имели в 1920 г.!

Большая программа развития металлургии в СССР была выполнена в 1961-1971 гг., так что за десять лет объем *металлоинвестиций* вырос почти в два раза. Металлический фонд на душу населения СССР на 1 января 1972 г. составлял 3700 кг.

С этой базы и началось развитие тех трех пятилеток, программу которого во время перестройки экономисты из команды Горбачева при поддержке авторитетов мировой экономической науки высмеивали как абсурдную и ненужную, сравнивая СССР и США. Каков же был металлический фонд в США? По самым минимальным оценкам, в 1970 г. металлический фонд США почти в 2 раза превышал фонд СССР. На душу населения в СССР приходилось 3,7 т металла, а в США 8,0 т²⁰.

Динамика преодоления разрыва в объеме металлического фонда СССР и США представлена на рис. 5. К 1980 г. СССР приблизился к размерам того металлического фонда, которым США располагал в 1970 г. К 1990 г. разрыв предполагали сократить еще больше, но этот процесс удалось сорвать пришедшей к власти командой Горбачева.

Простые колонки цифр, показывающие состояние советской экономики, говорят о *страшном голоде на металл*, который испытывали все без исключения отрасли народного хозяйства (за исключением оборонных). При этом металлоемкость основных фондов в СССР *объективно* должна была быть существенно выше, чем в США - из-за больших расстояний, климатических условий и геологических условий залегания главных полезных ископаемых²¹. Отставание по количеству

²⁰ Речь идет только о металле, находящемся на территории США, хотя к нему следовало бы приплюсовать металлический фонд, которым располагают предприятия американских корпораций в других странах (прежде всего, в Латинской Америке).

²¹ Например, 95% добычи угля США было сосредоточено в Аппалачском бассейне с глубиной залегания пластов 63 м. В СССР средняя глубина залегания пластов в Донском и Печорском бассейнах была 395-420 м, в Карагандинском 300 м и в Кузнецком 200 м. Соответственно отличалась и металлоемкость угольной

вложенного в страну металла приводило СССР к большим социальным и экономическим перегрузкам, а США его прочный «железный» фундамент давал большие преимущества.

Прежде всего, нехватка металла ограничивала возможности *строительства* в СССР - на здания и сооружения приходилась половина металлического фонда страны. В СССР, чтобы оживить большие пространства, требовались гораздо большие *металлоинвестиции* в сооружения, чем в США. В 15 раз больше металла, чем СССР, вложили США в их автомобильный парк, в два раза больше металла было вложено в запчасти (в расчете на 1 машину). Площадь дорожного полотна, армированного металлической сеткой, была в США *в десятки раз* больше, чем в СССР. Огромный перерасход средств вызывала в СССР нехватка трубопроводов (протяженность промышленных и распределительных газопроводов в СССР была примерно в 10 раз меньше, чем в США). Наверстывать отставание стали в 80-е годы.

Острая нехватка металла в СССР приводила к *перерасходу самого металла* – из-за повышенной интенсивности эксплуатации металлических изделий в СССР, более высоких удельных нагрузок на металл. В США срок службы введенного в хозяйственный оборот металла составлял 17-18 лет, а в СССР 12 лет.

Напряженное положение с металлом вызывало в СССР, по сравнению с США, перерасход финансовых и трудовых ресурсов и по другой причине. Имея достаточно металла, американцы могли себе позволить *не возвращать* использованную сталь на вторичную переработку, если это было экономически невыгодно. Мы в СССР себе этого позволить не могли - мы берегли металл, как крестьянин, который выпрямляет старый согнутый гвоздь. Вследствие *нехватки* металла в СССР металлический лом собирали для нового оборота почти полностью, а в США - только то, что было экономически выгодно. В 1986 г. в СССР было переработано на сталь 96,3 млн. т лома черных металлов, а в США 45,1 млн. т – при том, что металлический фонд США был больше советского. Безвозвратные потери металла за срок его службы составляли в США 43-45%, а в СССР 12-15%. На одни консервные банки в США расходовалось 5 млн. т стали в год, и 87% этой стали не возвращалось.

Экономисты, которые фабриковали в годы перестройки миф об избыточном производстве стали в СССР, и их западные коллеги и наставники прекрасно знали эту реальность. Количество и движение металлов в ведущих странах мира является информацией стратегического значения и для политики, и для экономики, и скрупулезно изучается.

Каков был главный аргумент в дискредитации советской металлургии как части всей кампании по дискредитации экономики СССР? Утверждение о якобы абсурдной избыточности производства стали. Это утверждение в разных вариантах повторяли приближенные к Горбачеву экономисты высшего ранга, а затем оно непрерывно тиражировалось в СМИ – с благожелательными комментариями зарубежных авторитетов.

Примером может служить книга влиятельного экономиста, эксперта ЦК КПСС, депутата Верховного Совета СССР Н.Шмелева, одобренная другими авторитетами экономической науки С.С.Шаталиным и член-корр. АН СССР Н.Я.Петраковым²². Эта книга, изданная большим тиражом (50 000 экз.) была для административной и партийной элиты СССР программным документом. О стали в этой книге говорится в главе «*Черные дыры*», в которых *исчезают ресурсы*». Авторы пишут об СССР: «Мы производим и потребляем в 1,5-2 раза больше стали, чем США, но по выпуску изделий отстаем в 2 и более раз».

В книге утверждается, что СССР с его плановой системой производит избыточную сталь (максимум - 160 млн. т в 1988 г.), в то время как эффективно регулируемая рынком экономика США разумно производит небольшое количество (70-80 млн. т). Это утверждение – столь недобросовестная манипуляция, что повторявшие ее экономисты поставили себя вне всяких норм научности.

Как обстояло дело в действительности? Только за два десятилетия, с 1951 по 1970 г., США произвели почти 2 миллиарда тонн стали (средний уровень производства в 100 млн. т стали в год). За это же время в СССР было произведено 1406 млн. т стали – на 540 млн. т меньше, чем в США. Да, в начале 80-х годов на какое-то время США снизили свое производство стали. Самой низкой точкой был 1982 г., когда в США произвели 67,7 млн. т. – тогда *всего за один год производство стали в США упало почти вдвое*. После этого производство стало расти. Да, бывали в США такие резкие колебания, это присуще капиталистической экономике.

Что же делают экономисты из ЦК КПСС, чтобы убедить граждан в абсурдности плановой экономики и избыточности производства стали в СССР? Они сравнивают пик производства в СССР с временным провалом в США. Они не сообщают, что в периоды спада производства США компенсируют его резким увеличением *импорта* стали, а значительную часть металлоемкого производства ведут на

промышленности.

²² Н.П.Шмелев, В.Попов. На переломе: перестройка экономики в СССР. М.: Изд-во Агентства печати Новости. 1989.

зарубежных предприятиях ТНК. В 90-е годы импорт стали в США превысил 30 млн. т в год (например, в 1998 г. он составил 37,7 млн. т).

А главное, ставить знак равенства между *производством* стали в таком-то году и ее *потреблением* - бессмыслица. Экономисты внушали ложную мысль фундаментального, общего значения - будто *потребление* стали, скажем, в 1985 г., равно *производству* стали в этом году (даже если отвлечься от импорта и экспорта). Это - подмена предмета путем смешения разнородных понятий, известный в логике недобросовестный прием спора. В экономической науке уже с середины XIX века четко различались понятия «*потока*» ресурсов и «*фонда*» или «запаса» ресурсов (*stock*). Очевидно, даже в рамках простого здравого смысла, что годовое производство стали - это *прирост* запаса, часть «потока», а «потребляем» мы *весь* действующий в хозяйстве металл.

В 1985 г. СССР потреблял сталь, сваренную из всего чугуна, выплавленного в Российской империи и СССР - за вычетом безвозвратных потерь. Чтобы сравнить действительное потребление стали в СССР и США, авторы должны были бы сообщить величину металлического фонда СССР и США - количество стали, «работающей» в зданиях, сооружениях, машинах двух стран. Сказать об СССР, что «мы потребляли стали вдвое больше, чем США» - иррациональное утверждение, за которым можно разглядеть открытую и циничную ложь, а в устах экономистов высокого статуса и должностной подлог.

Экономисты «перестройки» ввели еще одну ложную меру: «На ту же единицу национального дохода у нас уходит в 2,4 раза больше металла, чем в США». Сам же Н.Шмелев пишет, что объем промышленной продукции СССР составлял 80% от американского, а продукция сельского хозяйства – 85%. Металлический фонд в СССР был намного меньше, чем в США - каким же образом «на ту же» единицу национального дохода у нас могло уходить в 2,4 раза больше металла? Металлоемкость продукции в СССР была заведомо ниже, чем в США - меньше у нас было сооружений и машин, причем *намного* меньше, а это главный фактор металлоемкости производства. Хоть какой-то расчет должны же были привести экономисты! Ведь на основании подобных заявлений предлагалось ни много ни мало как сменить сам тип хозяйственной системы огромной страны.

«Антиметаллургическая» кампания была идеологическим прикрытием для радикальных политических мер по подрыву этой системообразующей отрасли народного хозяйства СССР. Произошел быстрый спад производства стали в РФ (и в других республиках СССР) вдвое. Динамика производства стали в СССР и США приведена на рис. 6 (начиная с 1991 г. показано суммарное производство стали в бывших республиках СССР).

На длительное время были прекращены капиталовложения, которые были необходимы для обновления основного капитала. В результате по состоянию на 2001 г. свыше нормативного срока использовалось 88,5% доменных печей и 86% прокатных станов. За 12 лет реформы произошло резкое технологическое отставание от мирового уровня.

Железный фундамент нашей цивилизации подточен. Накопленный в советское время металлический фонд России тает. К 1998 г. уровень производства стали в РФ снизился более чем в два раза (с 94,1 млн. т до 43,6 млн. т). Кроме того, черная металлургия в большой мере стала работать на *экспорт*, так что для внутреннего потребления в народном хозяйстве России оставалось и остается совсем немного металла²³. Последнее понятно, ведь черная металлургия – исключительно энергоемкое и экологически неблагоприятное производство, так что Запад не прочь держать Россию как периферийного производителя и поставщика черных металлов.

Металлоинвестиции как в строительство, так и в машиностроение, сократились в России за годы реформы в 4 раза. В последние годы страна получает конечной металлопродукции разного рода в среднем 50 кг на душу населения, в то время как средняя норма на Западе превышает 300 кг. Почему же на Западе не слышно экономистов, которые внушали бы людям ту же мысль, которую они внушали советским людям - что много металлопродукции производит лишь та промышленность, которая «работает на себя, а не на человека».

В России резко возросли безвозвратные потери металла. Инвентаризации металлического фонда страны никто не ведет. В 1990 г. в РСФСР было переработано 60 млн. т металлического лома, а сейчас лишь 13-15 млн. т. Остальное теряется в результате коррозии. Все это признак того, что в стране происходит *деиндустриализация*, демонтаж огромной по масштабам промышленности и сокращения строительства.

Вся идеология перестройки и «рыночной реформы» в СССР и России была изначально *лживой*. Она включала в себя ряд несовместимых лозунгов и обещаний, и экономисты, взявшие на себя роль пропагандистов, не могли этого не знать. Они требовали резко сократить производство стали - и в то же время срочно приступить к строительству хороших автострад, к массовому производству автомобилей, к насаждению фермеров западного типа и к упаковке нашей пищи в красивые консервные банки. Это

²³ В 1999-2000 гг. экспорт черных металлов из РФ составлял до 28 млн. тонн в год, а в 2002 г. 30 млн. т (включая лом).

привело к глубокому поражению рационального сознания, к тяжелому культурному кризису, усугубляющему кризис экономической.

Более того, нет и признаков преодоления этих антинаучных установок. Выступая в Новосибирском государственном университете 1 декабря 2003 г., академик А. Г. Аганбегян, главный экономист команды Горбачева и Ельцина, сказал о производстве стали в СССР: «Если столько продукции не нужно, то и выплавлять 146 млн. т стали (когда Америка выплавляла всего 70 млн. т) бессмысленно — с падением платежеспособного спроса производство стали сократилось в 3 раза». Значит, совершенно ложное утверждение об «избытке стали» можно повторять в одном из ведущих университетов даже через 15 лет после начала катастрофического кризиса, созданного в том числе благодаря этому утверждению.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что развернутая во время перестройки кампания по дискредитации советской черной металлургии важна для изучения не только как пример эффективной идеологической диверсии с тяжелыми последствиями для страны и народа. Та кампания была полигоном для отработки извращенного метода рассуждений и взгляда на общественное бытие. Этот метод был отработан как образец и внедрен в массовое сознание в форме целого ряда мифов, которые действуют и по сей день.

Эта кампания была поддержана элитой сообщества экономистов западных стран, и сегодня в кругах этой элиты нет и следов рефлексии и стремления хоть как-то помочь российскому обществу преодолеть порожденный той кампанией кризис сознания.

Миф об избытке энергии

Тезис о якобы *избыточном производстве ресурсов как фундаментальном дефекте плановой экономики* вошел в ядро всей доктрины подрыва легитимности хозяйства СССР. Вслед за атаками политиков и СМИ на какую-то «избыточную» отрасль (производства стали, тракторов и т.п.) принимались политические решения по подрыву этих отраслей.

Это осуществлялось уже в 1989-1991 гг. через сокращение или полное прекращение капиталовложений, остановку строительства и ликвидацию государственного заказа. Начиная с 1992 г. разрушение ключевых отраслей народного хозяйства было возложено на действие «стихийных рыночных сил», которые, однако, точно направлялись на уничтожение самых новых и технологически прогрессивных производств.

Сопrotивление этому курсу было подавлено и политическими средствами, и внедрением в сознание мифа об избыточности ресурсов в хозяйстве, которое якобы «работает само на себя». В пропаганде этих стереотипных мифов, выработанных в идеологических лабораториях перестройки, с энтузиазмом приняли участие видные деятели науки и культуры — ученые, писатели, артисты. Формула «абсурдной избыточности ресурсов» облекалась в самые разные содержательные оболочки и служила как генетическая матрица вируса, внедряемая в сознание человека уже независимо от той или иной оболочки.

В частности, были резко уменьшены все капиталовложения в *энергетику*, хотя специалисты с отчаянием доказывали, что сокращение подачи энергии и тепла в города Севера и Сибири просто приведет к эмиграции «потребителей», к оттоку населения из этих регионов. Тот факт, что интеллигенция благосклонно приняла программу, в которой почти невозможно было не видеть большой опасности для хозяйства и даже для шкурных интересов каждого обывателя, настолько необычен, что должен был бы сам по себе стать предметом внимания мирового научного сообщества. Ведь такая массовая утрата рациональности — симптом назревающего общего культурного кризиса современного общества.

Более того, элита интеллигенции СССР не просто благосклонно приняла эту программу, но и проявила в ее поддержке непонятную агрессивность и даже ненависть к энергетике. Вот «Меморандум в защиту природы» (1988), подписанный видными деятелями науки и культуры, в котором ведется атака на уже наполовину выполненную Энергетическую программу СССР, которая выводила СССР на уровень самых развитых стран по энергообеспечению. Вдумайтесь аргумент: «Зачем увеличивать производство энергоресурсов, если мы затрачиваем две тонны топлива там, где в странах с высоким уровнем технологии обходятся одной тонной?»

Логика абсурдна - необходимый уровень производства энергии выводят не из собственных потребностей, а из потребностей других стран! С точки зрения норм рационального мышления это нечто из ряда вон выходящее. На более двух третей территории России среднегодовая температура воздуха ниже нуля, она составляет -2°C. В Европе западнее России средняя температура даже в январе положительная. В центральной России на отопление двухкомнатной квартиры площадью 55 кв. метров по нормативам требуется 42 тыс. квт-часов энергии или 5 тыс. куб. м природного газа. Допустим, во Франции для отопления такой квартиры хватит 1 тыс. куб. м газа. Как из этого факта можно вывести, что нам тоже надо 1 тыс. куб. м? Это глупо, даже с учетом того, что Франция имеет «высокий уровень

технологии».

Кстати, миф о «двух тоннах топлива вместо одной» - постыдный продукт интеллектуальной лени или отсутствия совести тех, кто подписал этот «меморандум». Энергетический баланс всех производств известен досконально. Главный потребитель топлива – производство электрической энергии. Но в РСФСР был *самый низкий в мире* удельный расход топлива на 1 кВт-час электроэнергии – благодаря уникальной Единой энергетической системе (которую сегодня и пытаются расчленивать, следуя неолиберальным догмам). Другой крупный потребитель – транспорт. В среднем в мире он потреблял 20% энергии. Энергетическая эффективность транспорта в СССР была вдвое выше, чем в США и в полтора раза выше среднемировой²⁴.

Вот другое выражение общего тезиса о том, что советское хозяйство «работало на себя, а не на человека». В этом «Меморандуме» сказано: «Большая часть добываемого топлива расходуется на технологические нужды, и прежде всего на выработку электроэнергии. Более трех четвертей производимой в стране электроэнергии используется на производственные нужды в промышленности, сельском хозяйстве и транспорте. Именно этот абсурдный принцип развития нашей энергетики заложен в Энергетической программе СССР и ныне осуществляется. Никто за все это не понес ответственности».

Архаический, прагматический тип мышления, породивший этот документ перестройки, здесь доведен до гротеска - затраты энергии «на производственные нужды в промышленности, сельском хозяйстве и транспорте» считаются *бесполезными для человека*.

В декабре 2002 г. виднейший российский теплоэнергетик С. А. Чистович так оценил ситуацию: «Можно сказать, что на первом месте сейчас находится даже не проблема энергосбережения, а проблема энергетической безопасности России. Важно, как минимум, не допустить разрушения энергетического хозяйства страны. Износ оборудования, проблемы с поставкой энергоресурсов таковы, что целые поселки и города могут остаться без отопления и электроэнергии. А это приводит к тяжелейшим социальным и политическим последствиям. Весь мир наблюдал это на примере зимы в Приморье. К сожалению, есть основания полагать, что ситуация будет еще хуже».

За советский период Россия смогла стать *второй промышленной державой мира*. По показателю относительного потребления энергии она стояла вровень с самыми высокоразвитыми странами - США, Великобританией, Германией. Сейчас она опустилась на уровень Конго и находится гораздо ниже уровня Зимбабве или Таиланда²⁵. При этом экономическая политика правительства России предполагает дальнейшее сокращение потребления энергии.

Насколько мощным и разрушительным был удар, нанесенный после прихода в 1985 г. к власти в СССР М.Горбачева, видно из рис. 7 и 8.

Как могли виднейшие западные экономисты одобрять ту кампанию против энергетики СССР, которая велась на их глазах от имени экономической науки? Ведь разрушалась основа цивилизованного образа жизни огромной страны. Неужели политический интерес «холодной войны» заглушил их интеллектуальную совесть и оправдал их молчание? Как могли западные специалисты по энергетике не поддержать своих советских коллег в их попытке остановить политиков-вандалов?

Миф об избытке тракторов

«Парадигмальное» значение приобрело в самом начале реформы утверждение официального руководителя тогдашней экономической науки и советника М.С.Горбачева по вопросам экономики академика А.Г.Аганбегяна о том, что вследствие абсурдности плановой системы в сельском хозяйстве СССР имеется в два-три раза больше тракторов, чем необходимо.

Дословно А.Аганбегян пишет: «Результат [этого абсурда] - разрыв между производством и социальными потребностями. Очень показателен пример с тракторами. СССР производит в 4,8 раз больше тракторов, чем США, хотя отстает от них в производстве сельскохозяйственной продукции. Необходимы ли эти трактора? Эти трактора не нужны сельскому хозяйству, и если бы их покупали за свои деньги и рационально использовали, хватило бы в два или три раза меньше машин».

²⁴ Чеботаев А.А., Ушаков С.С. Энергоемкость перевозок. – «Теплоэнергетика». 1993, № 4.

²⁵ Относительное потребление энергии это «потребление, нормированное с учетом действительных природных условий», то есть расход энергии за вычетом той ее части, которая расходуется просто для того, чтобы существовать в данном ландшафте, необходима для «преодоления» природных условий (расстояний, климатических параметров и др.).

Это утверждение произвело столь сильное впечатление на мировое сообщество экономистов, что цитировалось на Западе не только в прессе, но и в серьезных монографиях. Книга А.Г.Аганбегяна “Экономическая перестройка”, в которой и был сформулирован “миф о тракторах”, выходила на европейских языках с предисловиями ведущих экономистов (на испанском языке с предисловием Рамона Тамамеса).

Задав меру, содержащую в себе оценку состояния (“*Эти трактора не нужны сельскому хозяйству... хватило бы в два или три раза меньше машин*”), академик устранил систему координат, в которой его мера могла бы иметь смысл. Он не указал типичную норму насыщенности хозяйства тракторами в той экономике, которая лишена “пороков плановой системы” и предлагалась нам как пример для подражания. В действительности среднеевропейская норма в тот момент была равна около 100 тракторов на 1000 га пашни, а в СССР имелось 12 тракторов на 1000 га (1988 г.)²⁶.

Эти данные приведены в общедоступных справочниках, А.Г.Аганбегян не мог их не знать, так что в его заявлении вполне можно было бы усмотреть должностной подлог. Но для нас важнее тот факт, что сообщество экономистов без всяких сомнений приняло ложное утверждение одного из своих членов и, насколько известно, до сих пор никак на него не отреагировало.

Судя по всему, у экономистов, читавших широко растиражированное высказывание академика, просто не возникло внутреннего желания встроить данную им меру в реальный контекст и задать себе вопрос: “А *сколько* тракторов следует считать необходимым? Сколько тракторов имеется в ФРГ, в Италии, в Польше?” В сельском хозяйстве СССР тракторов на гектар пашни было в тот момент *в 16,5 раз меньше, чем в ФРГ* и в 7 раз меньше, чем в Польше. Фактически академик-экономист уверял, что колхозникам на гектар пашни следовало бы иметь тракторов в 20 раз меньше, чем в Польше, в 50 раз меньше, чем в ФРГ и в 120 раз меньше, чем в Японии.

Искажение меры здесь столь велико, что возникает ее острая *несоизмеримость* с реальностью. Как могла не замечать этого масса образованных экономистов? А если замечать, то не реагировать на ложь, прикрытую авторитетом их профессионального сообщества?

На практике миф об избытке тракторов, созданный иерархами сообщества экономистов в СССР и подхваченный экономистами Запада, послужил прикрытием политических действий по ликвидации тракторной промышленности в России. На рис. 9 приведена динамика выпуска тракторов в ходе неолиберальной реформы.

Что скажут на это ведущие экономисты Запад, с которыми Аганбегян интенсивно общался и общается с конца 80-х годов?

Дискредитация промышленности и подрыв рациональности

Чтобы убедить советское общество принять, хотя бы пассивно, программу демонтажа народного хозяйства, требовалось отключить у него способность трезво и рационально осмыслить это предложение. Ведь речь шла об изменении, которое угрожало личным интересам каждого гражданина и его потомков. Перестройка и стала прежде всего большой культурной программой, направленной на **разрушение рационального мышления**. Это едва ли не самая разрушительная и преступная часть всей программы реформ в СССР и России. Она велась с большой интенсивностью с помощью огромной идеологической машины, унаследованной от КПСС, с использованием авторитета науки и искусства. Были подорваны и испорчены главные инструменты рационального мышления городского населения страны – язык, логика и мера.

Этой программе и той национальной трагедии, которую переживает народ России, ставший объектом этой программы, уже посвящена довольно обширная литература. В интеллектуальное пространство Запада она хода не имеет, поскольку оно защищено плотным идеологическим фильтром. Здесь приведем только пару примеров, которые характеризуют те приемы, что применялись конкретно экономистами для подрыва легитимности промышленности.

Овладение числом и мерой – одно из важнейших завоеваний человека. Умение мысленно оперировать с числами и величинами – исключительно важное интеллектуальное умение, которое осваивается с трудом и развивается на протяжении жизни человека. Воздействие на сознание во время перестройки привел к необычной интеллектуальной патологии – утрате *расчетливости*. Произошла архаизация сознания слоя образованных людей – отказ от того «духа расчетливости» (*calculating spirit*), который, по выражению М.Вебера, был важным признаком современного общества.

Важнейшее свойство расчетливости, даваемое образованием и опытом – способность быстро прикинуть в уме *порядок* величин. Когда расчетливость подорвана, сознание людей не отвергает самых

²⁶ Речь идет о тракторах усредненной мощности, в это число не входят садовые и огородные трактора.

абсурдных количественных утверждений, они действуют на него магически. Человек теряет *чутье* на ложные количественные данные.

Приведенные в такое состояние люди не имели возможности выработать разумную позицию в отношении объявленного в реформе слома отечественной промышленности. Она была представлена монстром, который подлежит уничтожению. Вот наглядный и даже мелкий, но совершенно типичный пример.

В программной книге Н.Шмелева «На переломе: перестройка экономики в СССР» говорится о промышленности как «черной дыре, в которой исчезают ресурсы», в данном случае о лесной промышленности: «С каждого кубометра древесины мы получаем продукции в 5-6 раз меньше, чем США» (с. 144).

Можно ли представить себе такое? Ведь это противоречит здравому смыслу. Если заглянуть в общедоступный справочник, то узнаем, что в расчете на 1000 кубических метров сырой древесины в СССР в 1986 г. выходило 786 плотных м³, а в США 790 м³ деловой древесины. Вот подробная сводка:

Таблица. Выход изделий из древесины в СССР и США. 1986 г.
(в расчете на 1000 кубических метров вывезенной древесины)

Вид изделий	СССР	США
Деловая древесина, плотных м ³	786	790
Пиломатериалы м ³	281	197
Клееная фанера, м ³	6,2	37,9
Древесностружечные плиты, м ³	17,4	18,8
Древесноволокнистые плиты, м ²	1602	1590
Древесная масса, т	5,6	10,3
Целлюлоза, т	23,0	96,5

Где здесь эти фантастические «в 5-6 раз меньше продукции»? Отходов при переработке древесины в изделия в США было 21,0%, а в СССР 21,4%. Вот и вся разница (да и эти отходы шли в дело). Как использовать дальше продукцию первого передела – *деловую древесину*, зависит уже от приоритетов.

Читающая книги Н.П.Шмелева публика, в значительной своей части экономисты, приняла эту версию про “5-6 раз” – а ведь должна была встрепенуться, если бы сохранила чувство меры. “Возможно ли это? Куда могли деться 80-85% массы привезенного на лесопилку бревна?” – вот что должно было не давать покоя. Но ведь никакого беспокойства эти “количественные” данные, не вызывали.

Подобного же рода количественные данные приводятся для того, чтобы заклеить машиностроение. Читаем в той же книге: «Известно, например, что на машиностроительных предприятиях от 30 до 70% металла уходит в стружку – в отходы» (с. 171).

В действительности достаточно взять справочник, и мы получаем точные данные, ибо отходы металлов учитывались в СССР (как, впрочем, и в других промышленно развитых странах) скрупулезно, вплоть до окалины. Показатель «Образование металлоотходов в машиностроении и металлообработке» хорошо известен и идет в справочниках отдельной таблицей – в 1988 г. в СССР в этой отрасли было потреблено черных металлов 91,7 млн. т, образовалось *отходов в виде стружки* 8,1 млн. т или 8,83%. Какие тут 30-70%?

Идеологически ангажированные экономисты, которые манипулировали числами и искажали меру, быстро утратили контроль над собственными действиями и стали, уже неосознанно, активными разрушителями важной основы рационального сознания. В мировом сообществе экономистов не возникло никакой рефлексии относительно этого явления, так что активные манипуляторы мерой не испытали на себе никаких профессиональных санкций.

Экспроприация общенародной собственности – криминализация страны

Приватизация, проведенная в России в начале 90-х годов, является самой крупной в истории человечества акцией по *экспроприации* – насильственному безвозмездному изъятию собственности у одного социального субъекта и передаче ее другому. При этом никакого общественного диалога не было, власть не спрашивала согласия собственника на экспроприацию. Эта приватизация носила сознательно преступный характер и создала на огромной территории мощную самовоспроизводящуюся криминальную квазидоцивилизацию, которая паразитирует на обществе. Мировое научное сообщество

трусливо уходит от понимания и обсуждения этого нового в истории формационного феномена – ибо обсуждение означало бы причастность к его созданию.

По своим масштабам и последствиям эта приватизация не идет ни в какое сравнение с другой известной нам экспроприацией – **национализацией** промышленности в 1918 г. Тогда экспроприация непосредственно коснулась очень небольшой части очень немногочисленной буржуазии. И то предприятия при этом предлагались их же хозяевам в безвозмездную аренду **с получением дохода**, как и раньше. Тотальная национализация произошла из-за гражданской войны²⁷.

Напротив, в 90-е годы XX века в частные руки была передана огромная промышленность, которая была изначально практически вся построена как единая государственная система. Это был производственный организм совершенно иного типа, не известного ни на Западе, ни в старой России. Западные эксперты до сих пор не понимают, как было устроено советское предприятие, почему на него замыкаются очистные сооружения или отопление целого города, почему оно содержит поликлинику, жилье, детские сады и дома отдыха.

Главное не в том, что приватизация стала в России средством грабежа и создания огромных преступных состояний. Это была попутная цель, а главное – разрушение народного хозяйства геополитического противника Запада. В экономическом, технологическом и социальном отношении расчленение советской хозяйственной системы означало катастрофу, размеров и окончательных результатов которой мы еще не можем полностью осознать. Система пока что сопротивляется, сохраняет, в искаленном виде, многие свои черты, как ни добивает ее правительство. Но уже сейчас зафиксировано в мировой науке: в России приватизация привела к небывалому в истории по своей продолжительности и глубине экономическому кризису, которого теория не может удовлетворительно объяснить.

Неизбежное в ходе приватизации разрушение *системы* предприятий уже само по себе должно было привести к огромным потерям в результате утраты огромного кооперативного эффекта, которым обладало советское хозяйство. Но даже в отношении отдельных предприятий миф о якобы высокой эффективности частных предприятий с сравнением с государственными в середине 80-х годов был уже развеян в экономической науке. Как могли западные экономисты, своим авторитетом поддерживавшие тотальную приватизацию в СССР, могли об этом не предупредить? Где же их рациональный декартовский скептицизм и беспристрастность?

А ведь проблема не снята за тринадцать лет, прошедших после приватизация. Отношение к ней – постоянный вопрос в РФ, пробный камень для политиков и экономистов. Нигде в мире частный собственник не является более эффективным, чем государство. Сама постановка вопроса неверна – эффективность частного и государства *несоизмеримы*, поскольку они оцениваются по разным критериям. У частного критерий – прибыль, а у государства – жизнеспособность целого (страны). Диктат рынка привел бы к опасной деформации всей производственной системы, и государство везде корректирует положение или путем национализации предприятий, или путем бюджетных инвестиций для создания новых.

Приватизация 90-х годов стала небывалым в истории случаем теневого соглашения между **бюрократией** и **преступным миром**. Две эти социальные группы поделили между собой промышленность СССР. Участие каждой было необходимо для такого дела. Номенклатура имела власть, аппарат управления и идеологическую машину, чтобы парализовать общественное сознание. Уголовные и теневые дельцы имели подпольную организацию, действующую вне закона и морали, большие деньги и поддержку мирового криминального капитала, а также инструменты насилия в трудовых коллективах – на случай протестов снизу.

Этот союз бюрократии и преступности нанес по России колоссальный удар, и неизвестно еще, когда она его переболеет. Допустив воров к экономической власти, номенклатура не только отдала хозяйство на поток и разграбление, но и навязала нам хищных и темных законодателей в культуре, нравственности, даже в обыденных привычках и языке. Агрессивный уголовник с золотой цепью на шее, полный комплексов и презирающий все светлое и высокое, наступил своим башмаком на нашу школу, литературу, спорт, на юношеские мечты нового поколения.

Все эти последствия приватизации были точно предсказаны специалистами, все варианты были просчитаны и в Москве, и в Вашингтоне, вся информация была советским властям представлена. Схема приватизации готовилась в США и была за два года до этого опробована в Польше («план

²⁷ Кстати, вопреки расхожим мнениям, навешанным официальной советской и антисоветской мифологией, национализация в 1918 г. происходила под давлением снизу, в том время как советское правительство этому, как могло, сопротивлялось.

Бальцеревича»)²⁸. По этой схеме изначально предполагались всплеск коррупции, разорение государства и усиление преступного мира – удар по всем структурам жизнеустройства.

В 2005 г. Счетная палата России опубликовала результаты проверки законности приватизации 1992-2003 гг. Это документ, какого не было в истории человечества и больше не будет. Он описывает, как коррумпированное правительство погубило хозяйство огромной страны. Судя по всему, за ничтожные взятки в сравнении с ценностью погубленного хозяйства.

Подумать только, с грубым нарушением даже ельцинских диких законов были отданы за бесценок государственные пакеты акций нефтяных компаний «Юкос», «Лукойл», «Сиданко», «Сургутнефтегаз» и других. Более того, преступным образом были отданы иностранцам самые ценные предприятия оборонного комплекса, приватизация которых вообще была запрещена законом. И что изменилось за 10 лет? Почти ничего. Счетная палата констатирует: «Не контролировался и не контролируется до настоящего времени процесс скупки иностранными лицами пакетов акций стратегически и экономически значимых для России предприятий. Так, малоизвестная американская компания «Nis and Si Corporation» через подставную фирму «Столица» приобрела пакеты акций 19 авиационных предприятий оборонно-промышленного комплекса. В нарушение действующего законодательства пакеты акций продавались иностранным покупателям через посредников».

Следующим важным шагом в углублении коррупции властной верхушки и огосударствлении преступного мира стала программа приватизации через залоговые аукционы, породившая «олигархов». Схема была такова. Правительство России в 1992 г. присвоило сбережения граждан в государственном Сбербанке в размере 400 млрд. долларов и создало частный финансовый капитал. Эти новые банки принадлежали «друзьям членов правительства». В 1995 г. правительство, вместо того чтобы занять необходимые ему средства в Центральном банке, взяло займы у этих частных банков под залог акций самых прибыльных государственных предприятий. А потом вдруг государство «не смогло» вернуть долг, и частные банки оказались собственниками этих предприятий. На деле речь идет о фиктивной продаже собственности в колоссальных масштабах. Роман Абрамович таким образом получил компанию «Сибнефть» за 100 млн. долларов, которую у него обратно выкупило правительство за 13 млрд. долларов – в 130 раз дороже (после того, как он 10 лет получал миллиардные доходы от эксплуатации компании).

Дж. Стиглиц писал (пять лет спустя): «Эта приватизация была политически незаконной. И тот факт, что они не имели законных прав собственности, заставлял олигархов еще более поспешно выводить свои фонды за пределы страны, чтобы успеть до того, как придет к власти новое правительство, которое может попытаться оспорить приватизацию или подорвать их позиции».

Е.Ясин, влиятельный идеолог российского «олигархического капитализма», выражается о смысле этой приватизации откровенно: «Ельцин нарушил тогдашнюю конституцию, то есть прибег к государственному перевороту. Это позволило удержать курс на реформы... Единственным социальным слоем, готовым тогда поддержать Ельцина, был крупный бизнес. За свои услуги он хотел получить лакомые куски государственной собственности. Кроме того, они хотели прямо влиять на политику. Так появились олигархи».

Во время подготовки закона о приватизации в СССР, 16 мая 1991 г., ЦРУ и разведуправление Министрства обороны США представили Конгрессу США по его запросу доклад о тех рисках, которые породит приватизация. Анонимные авторы этого Доклада вызывают уважение и признательность. Они взволнованно говорили о том, какие массовые страдания ожидают советских людей в результате приватизации, к которой совершенно не готово ни хозяйство, ни общество. Простые слова доклада ЦРУ находились в таком контрасте с утверждениями уважаемых мэтров мировой экономической науки, что потрясло это дикое смещение всех устоев. Было ясно, что приближается катастрофа. Гуманно было ЦРУ, а у науки проступил оскал людоеда!

Главной целью приватизации в СССР и странах СЭВ было разрушение политической системы блока государств, противостоящих Западу в «холодной войне». Война есть война, и политиков можно понять. Но как могло так активно участвовать в этой войне профессиональное сообщество экономистов, не сняв тоги ученых! Небольшим политическим выигрышем для Запада не оплатить того удара, который был этим нанесен по *этой* современной науке. Мы присутствуем на *поминках по Просвещению*.

Результат приватизации известен. Мощные советские заводы раздробили (в среднем на 6 частей), чем угробили единую технологическую базу, и выбросили с них почти половину рабочих. В промышленности России уничтожено **10 млн. рабочих мест!** Мы стали свидетелями небывалого регресса в технологии и организации труда как результата приватизации.

²⁸ Концепция «скачка в рынок» была разработана Джеффри Саксом и Дэвидом Липтоном в Нью-Йоркском фонде Сороса. Она обсуждалась в сенате США в конце августа 1989 г.

Вот самая богатая, не имеющая проблем со сбытом отрасль российской экономики – добыча нефти. В 1988 г. на одного работника здесь приходилось 4,3 тыс. тонн добытой нефти, а в 1998 г. – 1,05 тыс. т. Падение производительности в 4 раза! Собственники нефтяных компаний ведут хищническую эксплуатацию месторождений, разведанных и обустроенных в советское время. Они «снимают сливки», безвозвратно уничтожая огромное национальное и мировое богатство. Средняя величина коэффициента извлечения нефти в России снижается и сейчас составляет около 35%, т.е. после окончания разработки месторождений в земле останется 65% нефти.

В ходе подготовки к приватизации велась интенсивная идеологическая кампания. Для политики и прессы был даже создан особый язык. Ведь приватизация – малая часть изменения отношений собственности. Она – лишь наделение частной собственностью на предприятие. Но это предприятие было собственностью народа (нации). Государство выступает лишь как управляющий этой собственностью. Чтобы ее приватизировать, необходимо было сначала осуществить *денационализацию*. Это – самый главный и трудный этап, ибо он означает *изъятие* собственности у ее владельца (нации). А это, очевидно, не сводится к экономическим отношениям (так же, как грабеж в переулке не означает для жертвы просто утраты некоторой части собственности). Однако и в законах о приватизации, и в прессе проблема изъятия собственности замалчивались. Слово «денационализация» не встречается ни разу, оно стало табу и заменено специально придуманным словом «разгосударствление».

Идею «распродать государство» пропагандировали видные партийные экономисты, которых с энтузиазмом встречали на собраниях научной элиты в СССР и за рубежом. «Архитектор перестройки», член Академии наук СССР экономист А.Н.Яковлев требовал: «Без того, чтобы иностранному капиталу дать гарантии свободных действий, ничего не получится. И надо, чтобы на рынок были немедленно брошены капиталы, земля, средства производства, жилье».

Эти установки были крайне антидемократическими – сдвиг к приватизации народного хозяйства и переход к частному предпринимательству происходил вопреки желанию 90% населения. Идеологическая кампания стала одним из факторов тяжелого культурного срыва. В сознании элиты произошел всплеск пещерного социал-дарвинизма, биологизации представлений об обществе, антиуравнительных и антирабочих настроений.

В Концепции закона о приватизации РСФСР (1991 г.) в качестве главных препятствий ее проведению называются такие: «Мировоззрение поденщика и социального иждивенца у большинства наших соотечественников, сильные уравнилельные настроения и недоверие к отечественным коммерсантам; противодействие слоя некавалифицированных люмпенизированных рабочих, рискующих быть согнанными с насиженных мест при приватизации».

Вдумается во фразеологию этого официального документа парламента. Большинство (!) граждан якобы имеют «мировоззрение поденщиков и социальных иждивенцев». Трудящиеся – *иждивенцы*, какая бессмыслица! Рабочие – люмпены, которых надо гнать с «насиженных мест». Влиятельная часть либеральной элиты впала в мальтузианский фанатизм времен «дикого капитализма». Но ведь этому аплодировала либеральная элита всего Запада. Да и не только либеральная – не отставали и социал-демократы с еврокоммунистами.

После завершения приватизации вдова академика А.Д.Сахарова Е.Боннэр издевалась из США: «Главным и определяющим будущее страны стал передел собственности. У народа собственность так и ограничится полным собранием сочинений Пушкина. И, в лучшем случае, приватизированной двухкомнатной квартирой, за которую неизвестно сколько надо будет платить – многие не выдержат этой платы, как не выдержат и налог на наследство их наследники. Ваучер не обогатит их, может, с акций когда-нибудь будет хватать на подарки внукам».

Вот она, либеральная демократическая элита! Она взрастила и охраняла своим авторитетом и политическим влиянием ростки нового, предельно хищного и циничного господствующего меньшинства. Сейчас уже нельзя не видеть, какого мутанта она вырастила в своей пробирке. Уже сложился генотип российского псевдокапитализма – тупого, алчного и расточительного. Он пожирает угасающую страну, и ей опять придется искать радикальный способ вырваться из этой исторической ловушки. Но путь образованный слой Запада задумается о том, какой провал в культуре, рациональности и этике его элиты вскрыла вся эта история. Пятнадцать лет она наблюдает за страшными плодами своих рук – и никакой рефлексии.

Реформа: создание бедности в благополучной стране

Воздействие проводимой в России реформы на общество («социальную сферу») было чрезвычайно разрушительным. Можно сказать, что реформа была молниеносной гражданской войной, в которой неорганизованное большинство потерпело сокрушительное поражение и было ограблено победителями.

Тот факт, что война эта велась непривычными, в основном ненасильственными средствами, дела не меняет.

В 1992 г. в России началась социальная катастрофа. Развивается она не слишком быстро в силу огромной прочности созданных в советское время систем жизнеобеспечения и устойчивости культуры людей, воспитанных русской литературой и советской школой. Однако на ряде направлений уже слышны тяжелые шаги Каменного гостя – приближение срывов и отказов больших систем.

Известно, что в СССР организация и экономическая поддержка ряда важнейших систем жизнеобеспечения была взята на себя государством. Достаточно назвать жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ), здравоохранение и образование. Блага, «производимые» этими системами, распределялись на уравнильной основе – бесплатно или за очень небольшую плату. В этом заключался *патернализм* советского государства. В отношении доступа к базовым социальным благам советское общество было устроено по типу семьи, в которой роль отца (*патера*) выполняло государство.

Реформаторы, следуя догмам неоллиберализма, напротив, не признают иного основания для права на жизнь, кроме платежеспособного спроса. Исключение допускается в их доктрине как ничтожная социальная помощь «слабым».

Во время Гражданской войны советское государство изымало через продразверстку примерно 1/15 продукции крестьянства, выдавало 34 млн. пайков и тем самым спасло от голодной смерти городское население, включая дворян и буржуев. Это патернализм в чистом виде. Сегодня Россия имеет в тысячи раз больше средств, чем Советская Россия в 1919 году – а 43% рожениц подходят к родам в состоянии анемии от плохого питания.

Жесткий признак катастрофического снижения уровня жизни в России – небывалый рост смертности и сокращение средней продолжительности жизни на 6 лет. Государственный доклад «О состоянии здоровья населения Российской Федерации» (М., 2000) гласит: «Непосредственными причинами ранних смертей является плохое, несбалансированное питание, ведущее к физиологическим изменениям и потере иммунитета, тяжелый стресс и недоступность медицинской помощи».

Понятно, что по типу бедности и отношению к ней советский строй жизни резко отличался от либерального общества Запада. Во время реформы были отвергнуты советские критерии и принципы, и именно Запад был взят за образец «правильного» жизнеустройства, устраняющего «уравниловку». Отрицание уравниловки есть не что иное, как придание бедности законного характера. Это, как выразился сам Адам Смит, есть введение в ранг закона «подлой максимы хозяев», которая гласит: «Все для нас и ничего для других».

В середине XIX в. важным основанием западной идеологии стал *социал-дарвинизм*. Он исходил из того, что бедность - закономерное явление и она должна расти по мере того, как растет общественное производство. Это - индивидуальная судьба, предопределенная неспособностью конкретного человека побеждать в борьбе за существование.

Из этого отношение к бедным исходил российский премьер-министр Е.Гайдар, выполнявший самую радикальную часть программы реформ. Он объясняет: «Либеральное видение мира отвергло право человека на получение общественной помощи. В свободной стране каждый сам выбирает свое будущее, несет ответственность за свои успехи и неудачи»²⁹.

И философские основания советского строя, и традиционные культурные нормы России исходили из другой установки: бедность есть порождение несправедливости и потому она - зло. В этом советская идеология и стихийное мироощущение людей полностью совпадали. Понимание бедности как зла не является порождением советского строя. Напротив, советский строй - порождение этого взгляда на бедность. Советское и либеральное понимание бедности – две полярные мировоззренческие концепции.

В конце 80-х годов элитарная интеллигенция СССР, перешедшая на сторону Запада, сделала свой философский выбор. Она приняла неоллиберальную концепцию человека и общества, а значит, и представление о бедности. Массовое обеднение населения России было хладнокровно предусмотрено в доктрине реформ. Бедность в этой доктрине рассматривалась не как зло, а как полезный социальный механизм. В России стали выбрасывать из общества бедных (фондовый коэффициент за время реформы вырос с 3,5 до 14,5, а с учетом теневых доходов он оценивается в 30-40).

Таким образом, в ходе реформы произошел не сбой, не социальный срыв, а запланированное изменение структуры общества. Программа реформы и не предполагала механизмов, предотвращающих обеднение населения. Социологи ВЦИОМ пишут: «Процессы формирования рыночных механизмов в сфере труда протекают весьма противоречиво, приобретая подчас уродливые формы. При этом не только не была выдвинута такая стратегическая задача нового этапа развития российского общества, как

²⁹ Е.Гайдар. Богатые и бедные. Становление и кризис системы социальной защиты в современном мире. Статья первая - Вестник Европы, № 10, 2004.

предупреждение бедности, но и не было сделано никаких шагов в направлении решения текущей задачи – преодоления крайних проявлений бедности»³⁰.

В стране, где бедность была давно искоренена и, прямо скажем, забыта так, что ее уже никто не боялся, массовая бедность буквально «построена» политическими средствами. Искусственное создание бедности в нашей стране – колоссальный эксперимент над обществом и человеком. Он настолько жесток и огромен, что у многих не укладывается в голове – люди не верят, что сброшены в безысходную бедность, считают это каким-то временным «сбоем» в их нормальной жизни. Вот кончится это нечто, подобное войне, и все наладится.

В результате реформ в РФ возникла *структурная бедность* – постоянное состояние значительной части населения. Была создана большая социальная группа бедных как стабильный структурный элемент нового общества. Если принять международный критерий бедности (доход примерно на уровне 40% средней зарплаты 1989 г.), то ниже границы бедности в России к середине 90-х годов оказалось более 60% населения. Физиологический стресс, вызванный несбалансированностью питания, обусловил невиданный рост потребления алкоголя, что создало порочный круг быстрой деградации здоровья населения России. Особенность российской бедности в том, что это бедность *работающих* людей. Из общего числа бедных более двух пятых составляют лица, имеющие работу.

Эта бедность – *социальная* проблема, не связанная с личными качествами и трудовыми усилиями людей. В таких отраслях, как сельское хозяйство, здравоохранение, образование и культура, более 65% работников получали зарплату ниже прожиточного минимума. ВЦИОМ фиксирует: «В обществе определились устойчивые группы бедных семей, у которых шансов вырваться из бедности практически нет. Это состояние можно обозначить как застойная бедность, углубление бедности». По данным ВЦИОМ, только 10% бедняков могут, теоретически, повысить свой доход за счет повышения своей трудовой активности³¹. Огромная ниша застойной бедности – 39 млн. сельских жителей РФ. Треть их являются *крайне бедными*, т. е. ресурсы, которыми они располагают, ниже прожиточного минимума в два раза и более.

Эта бедность – главная причина сокращения населения России. Детей надо кормить, а на зарплату вырастить детей население не может. Вот официальная справка: «В 2000 г. заработная плата более половины семей, состоящих из двух работающих, не могла обеспечить минимально приемлемый уровень жизни даже одному ребенку». Все результаты воздействия бедности на здоровье, культуру, характер и поведение человека имеют долгосрочный характер – через состояние бедности прошла половина детей РФ.

Менее непосредственно, но существенно призраком бедности овевал своим дыханием почти все население России, и это влияние обладает последствием. В середине реформы люди, ощущавшие себя бедняками, в сумме составляли 85,6% всего населения РФ. Из числа людей с высшим и незаконченным высшим образованием бедняками себя посчитали 79,8%³².

Пребывание в состоянии бедности уже оказало сильное влияние на экономическое поведение. Например, бедность порождает теневую экономику и придает ей высокую устойчивость тем, что она выгодна и работникам, и работодателям. Но теневая экономика в свою очередь воспроизводит бедность, в результате чего замыкается порочный круг. Бедность – сложная система процессов, приводящих к глубокой перестройке материальной и духовной культуры – причем всего общества, а не только той его части, которая испытывает обеднение. Если состояние бедности продолжается достаточно долго, то складывается и воспроизводится устойчивый социальный тип и образ жизни бедняка. Бедность – это *ловушка*, то есть система порочных кругов, из которых очень трудно вырваться.

Застойная бедность изменила структуру потребностей половины населения РФ, что предопределило новое состояние общества. Меняется сам *образ жизни* России. В быте большинства населения произошел огромный *регресс*. В быте трети населения происходит *архаизация*.

Резко повысилась доля расходов людей на питание – первый признак обеднения. В 1990 г. эта доля в семьях рабочих и служащих РСФСР составляла 28,2%, в семьях крестьян – 28,1%. В 1992 г. доля

³⁰ Зубова Л.Г. Социальное расслоение в России – “Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения”. ВЦИОМ. 1995, № 3.

³¹ Заславская Т.И. Новые данные о доходах россиян – “Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения”. ВЦИОМ. 1995, № 4. Зубова Л.Г. Представления о бедности и богатстве. Критерии и масштабы бедности – “Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения”. ВЦИОМ. 1996, №4.

³² Оценки населением качества жизни: проблемы бедности. – Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ. 1996, № 3.

расходов на питание поднялась до 65-70% среднего потребительского набора в выборках по городам. В США бедным считается тот, кто тратит на еду более 30% дохода. Если принять этот критерий, то в России за чертой бедности находятся не 30, а все 140 млн. человек. В среднем на питание здесь в 2001 г. расходовали 52,7% всех расходов семейного бюджета. В 2002 г. расходы населения на питание в целом составляли 48,3%. В 1996 г. недопотребление белка в 40% городских семей, в которых живет более 50% несовершеннолетних детей и подростков России, составило 40%. Согласно докладом о здоровье населения, положение с питанием в бедной части общества до 2000 г. не улучшалось.

Быстрые и подвижные процессы, породившие бедность в России – *приватизация* и изменение типа *распределения доходов*. Приватизация лишила подавляющее большинство населения РФ постоянного источника значительных доходов в виде «дивидендов частичного собственника» – от общественной собственности на землю, промышленные и другие предприятия. Эти дивиденды распределялись на уравнительной основе в виде низких цен на главные жизненные блага или даже бесплатное предоставление таких благ (например, жилья).

Система распределения доходов и доступа населения к жизненно необходимым материальным благам, которая сложилась в России в результате реформы, является аномальной и не имеет исторических прецедентов. Всякие сравнения с другими странами Запада и «третьего мира», а также с иными историческими эпохами России безосновательны и приводят к ложным выводам. Соотношение труда и вознаграждения у большей части населения не укладывается в нормы никакого известного экономического уклада, включая рабство. В России происходит «использование населения на износ», без простого воспроизводства рабочей силы.

Изменение отношений собственности и устранение права на труд позволило работодателям и резко снизить *заработную плату*. Это коснулось подавляющего большинства населения. Например, на среднюю заработную плату в РСФСР в 1990 можно было купить 95,9 кг говядины, или 1010 литров молока, или 777 кг хлеба пшеничного. В 2001 г. на среднюю месячную зарплату в РФ можно было купить 39,9 кг говядины, 350,4 литра молока или 424,0 кг такого же хлеба. Разница с 1990 г. огромна, и небольшой рост зарплаты, главным образом в благополучной части общества, никак этой разницы не покрывает. Надо к тому же учесть, что сегодня средняя величина мало что говорит - львиную долю фонда зарплаты забирает себе новая номенклатура, в десятки раз прожорливее старой. В 1990 г. Министр энергетики СССР имел зарплату в 4 раза выше средней по стране, а теперь директор РАО ЕЭС имеет зарплату в 1000 раз выше средней.

Важной особенностью природы российской бедности является и тот факт, что она, будучи создана посредством нанесения по обществу ряда молниеносных ударов (типа либерализации цен в январе 1992 г. и конфискации сбережений граждан), в дальнейшем стала воспроизводиться и углубляться в результате ряда *массивных*, очень *инерционных*, но начавших идти с ускорением процессов. Вот некоторые из них.

Это, прежде всего, ликвидация или деградация рабочих мест вследствие длительного паралича промышленного и сельскохозяйственного производства, а также физического и морального износа всей производственной базы страны. То оживление промышленности, которое имеет место после скачка цен на нефть, не излечивает, а локализует и усугубляет бедность в целом ряде развитых в прошлом промышленных районов РФ. Причина этого в том, что на этом этапе «оживления» уже проявились черты нового типа экономики РФ как *периферийной*. Она складывается в виде небольшого числа анклавов промышленного производства, ориентированного на внешний рынок и не интегрированного в народное хозяйство страны. Вне этих анклавов идет процесс деградации и архаизации производства и быта.

Второй массивный процесс – деградация и даже разрушение жилого фонда страны и его инфраструктуры. Оставленная без надлежащего ухода и ремонта система требует все больших и больших затрат на ее содержание, которые перекадываются на плечи жильцов.

Третий массивный процесс – ухудшение физического и духовного здоровья обедневших людей. Это вызывается целым комплексом причин, так что возникает порочный круг, из которого очень трудно вырваться. Моментальное обеднение больших масс населения, не оправданное никакими бедствиями и видимыми причинами, вызвало культурный шок. Согласно докладу Пироговского съезда врачей (1995 г.), свыше 70% населения России живет в состоянии затяжного психо-эмоционального и социального стресса.

Результатом резкого обеднения и вызванного им шока была возникшая в России аномальная *сверхсмертность* (600 тыс. «лишних» смертей в год) и аномальное падение рождаемости (800 тыс. «нерожденных»). Уровень смертности в рабочих возрастах в России сегодня выше, чем был 100 лет назад (в 1897 г.).

Важным результатом реформы стало в бедной части населения угасание трудовой и жизненной мотивации, снижение квалификации работников и быстрое нарастание малограмотности и неграмотности. Наконец, условием создания и воспроизводства бедности является становление и

укрепление теневой и криминальной экономики. Бедность является ее питательной средой и одновременно следствием. Уже сейчас в РФ огромны масштабы низкооплачиваемого и почти рабского труда нелегальных мигрантов. Эти работники, получая гроши ради того, чтобы пережить нынешний кризис, еще больше обедняют, когда будут выброшены на улицу их преступными работодателями - без пенсии и других форм социального страхования. Присутствие целой армии таких бесправных работников на рынке труда настолько сбивает цену на рабочую силу, что в РФ нет даже возможности наладить капиталистическую эксплуатацию трудящихся - перед нами уклад, представляющий собой *угнетение* населения неофеодальным сословием-бандой, которая действует под маской предпринимателей.

Кроме того, обеднение напоминает цепную реакцию. Люди, впадшие в крайнюю бедность, разрушают окружающую их среду обитания. Крайняя бедность выталкивает массу людей из общества и так меняет их культурные устои, что они начинают добывать себе средства к жизни «поедая» структуры цивилизации. Тем самым они становятся инструментом «насильственной» архаизации жизни окружающих - и их дальнейшего обеднения. Типичным проявлением этого процесса стало хищение электрических проводов, медных и латунных деталей оборудования железных дорог и т.п.

Таким образом, заканчиваются скрытые ресурсы (накопления, «запас здоровья», квалификация, оптимизм и т.д.), которые позволяли обедневшей части населения переживать трудности. Остатки этих ресурсов могут иссякнуть быстро, с ускорением («обвальном»). В активную самостоятельную жизнь входит поколение, прошедшее школу уже после ликвидации советского строя. Оно не обладает той устойчивостью, ответственностью и трудовой мотивацией, которые были присущи старшим поколениям. Крайне бедная часть новой молодежи может породить новое для России явление - *цивилизацию трущоб*.

Для преодоления бедности требуется *большая восстановительная программа* – восстановление всех главных систем жизнеустройства. На это реформаторы, следующие неолиберальным догмам, не идут. Полностью игнорируется даже близкий опыт преодоления бедности в собственной стране.

Советская власть унаследовала глубокую застойную бедность, усугубленную разрухой Мировой и Гражданской войн. И практически сразу после Октября были начаты большие исследовательские, а затем и практические (в том числе чрезвычайные) программы. Во многом благодаря им советская власть за время НЭПа буквально изменила тип общества, ликвидировав «синдром бедняка», что привело к резкому увеличению продолжительности жизни, снижению детской смертности, искоренению массовых социальных болезней и снижению уровня преступности в 4 раза.

Программа преодоления бедности и присущих ей социальных болезней в 20-е годы привела к возникновению того *антропологического оптимизма*, который предопределил и успехи индустриализации, и массовую тягу к знаниям, и победу в Великой Отечественной войне, и быстрое восстановление после войны. А ведь советская власть тогда еще не располагала для этого крупными материальными ресурсами, успех был достигнут благодаря всеобщему «молекулярному» участию населения в этой программе, ясностью и фундаментальностью поставленных целей и критериев, способу организации действий, созвучному культурным традициям народа.

Можно ли ожидать всего этого сегодня? Пока что оснований для оптимизма нет. Наши неолибералы буквально закусили удила. Они создали шизофреническую, безвыходную ситуацию: бедность поражена реформой в советском обществе, которого они не знали, не понимали и знать не хотели; эта бедность имеет совершенно другой тип и другую динамику, нежели в обществе либеральном, по пути которого они якобы следуют, но которого тоже не знают и не понимают; наше обедневшее общество, хотя и изуродовано, но в главных своих основаниях осталось советским (точнее, типа советского), и на либеральные рецепты отвечает «неправильно». По сравнению с такой властью даже безумный тиран, воспитанный в лоне отечественной культуры, нанес бы стране меньше травм, чем свихнувшаяся на либерализме элита, которой советуют западные неолибералы.

Чем дольше будет длиться этот неолиберальный геноцид, тем большее число наших соотечественников сожрет бедность.

Заключение

В заключение мы чуть-чуть коснемся главного – не экономической, а экзистенциальной проблемы, которую вскрыла катастрофа Советского Союза и неолиберальная волна в целом. Здесь – суть того столкновения *глобализации* и *развития*, которое предчувствуется во всех народах и культурах.

Мы говорили о том, что неолиберальная экономическая и социальная философия в своем механицизме оказалась нечувствительна к тем рискам и опасностям, которые таят в себе освобожденные рыночные силы при современной технологии. Сформированное неолиберализмом мышление стало инструментом разрушения

драгоценных и хрупких структур жизнеустройства народов, их культуры, их проектов и непонятых еще находок. Это мышление стало инструментом разрушения великих ценностей самого Запада – идеалов и рациональности Просвещения.

Большой вопрос, от которого мы все долго старались уйти, заключается в том, что неолиберальная волна не смогла бы вызвать этих разрушений, если бы ее философией не прониклась *левая* мысль Запада. Правые не смогли бы начать в Европе демонтаж социального государства, если бы их доктрину не приняли социал-демократы. Горбачев не смог бы начать демонтаж советского государства и его социальной системы, если бы верхушка КПСС, нарядившись в тогу еврокоммунизма, не перешла без всяких философских затруднений на позиции неолиберализма в самой жесткой его версии.

В 1994 г. на конгрессе европейских интеллектуальных левых сил в Мадриде, созданном испанским Фондом марксистских исследований, видный марксист из Барселоны начал свою речь такими словами: «Товарищи! Наконец-то Советский Союз мёртв, и надежно мёртв!».

Это было знаком большой беды – этими словами давалась лицензия и на бомбёжки Югославии, и на кровавые акции в Нью-Йорке, и на издевательства в тюрьме Абу-Грейв и Гуантанамо. На все то, что стало символами Нового порядка. Речь идет о большом сдвиге в культуре Запада. Философ новых левых Андре Глюксманн в ельцинской Москве признался, что «теперь он не подписал бы воззвание против войны во Вьетнаме». Что нового ему сказал Горбачев о Вьетнаме и о нападке?

На исходе перестройки был момент интенсивных контактов советских ученых с западными коллегами, напряженных взволнованных бесед. Поражал такой факт: коммунисты и социал-демократы спорили о том, что на фоне грядущей катастрофы уже имело ничтожное значение – об антисталинских мифах Солженицына и либеральных утопиях Сахарова, об ослаблении социальных гарантий трудящимся Европы после падения СССР. О *сути* происходящего говорили, причем в одних и тех же выражениях, старики-консерваторы, даже из правых, из противников *большевизма*. Они говорили: «Если падет Советский Союз, то Запад *оскотинится*». У них болела душа за Запад, но они видели Запад в контексте человечества и понимали в этом контексте роль советского проекта.

Так и произошло, во многом потому, что из философии левых выпал этот системный контекст. Они равнодушно или даже с радостью смотрели на то, как пресекается советский проект – один из больших проектов создания развитого солидарного общества с опорой на самобытные культуры народов. Они легко перешли на сторону победителя. Те в СССР, кто осознал гибельность проекта Горбачева-Ельцина, не смогли собраться с силами – не было у них ни теории, ни средств, ни организации. За это и расплачивается сейчас советский народ. На них вина, но даже в интеллектуальном плане они не получили никакой поддержки у западных левых. В газетах оппозиции в России за пятнадцать лет не появилось ни одной статьи западных левых мыслителей.

Где-нибудь в захолустной испанской деревне или рыбацком поселке крестьяне и рыбаки встречали в 90-е годы советского человека, как брата. Как соратника, который терпит поражение. Эти люди, не читавшие Маркузе и Глюксманна, страдали от того, что происходит в России, они мыслили в категориях *бытия*. А в Мадриде марксисты из всей Европы мстительно радовались, как избалованные дети. Русские их обманули – подарили красивую игрушку, а она лопнула. Пусть теперь поплачут.

В момент катастрофы СССР в интеллектуальной среде коммунистов Запада продолжали спорить о кремлевских интригах, о том, что сказал Сталин или Хрущев, но им было совершенно не интересно, что такое колхоз или советская школа, каким образом шахтер Алексей Стаханов в 1934 г. выполнил 14 норм добычи угля и почему ракету Гагарина в Западной Европе смогли построить в ухудшенном варианте “Ариан” только через 30 лет общих усилий, истратив в сотню раз больше денег.

Они не видели, что рушится не только жизнеустройство русских, рушится вся оборона Просвещения и здравого смысла – на арену вырывается, как носорог, агрессивный и злобный постмодерн, раненный народными революциями XX века. Этот постмодерн – в кошмаре двойных стандартов, когда США уничтожают 30 тысяч мирных жителей, чтобы отдать под суд «кровавого зверя Саддама», обвиняемого в гибели 82 человек. Этот постмодерн – в издевательствах над здравым смыслом, в глобальном спектакле, в котором США создают движение талибан и Бен Ладена, а потом бомбят деревни Афганистана, чтобы уничтожить талибов и Бен Ладена.

И скотское состояние этого постмодерна выражается прежде всего в том, что он наскрѐб в темной части подсознания Запада. Макс Вебер в своей пророческой книге “Протестантская этика и дух капитализма” выразил кредо этого темного подсознания пословицей колонистов-пуритан США: “Из людей добывают деньги, как из скота сало”. Под этим лозунгом и начинает топтать Землю носорог глобализации.

Человечество выживет на Земле лишь придя к солидарности, а не через угнетение и грабеж. Выживет не на пути ассимиляции народов и их разделения на две расы – кочевников-господ и привязанному к шахтам и дымных фабрикам пролетариату, а через интеграцию и сотрудничество цивилизаций и культур.

Путь к этому лежит через *противление злу*. Но человечество выросло, и История дает нам шанс обойтись на этом пути без повивальной бабки - насилия. Шанс не слишком большой, но достаточный для большого проекта. Все зависит от того, сможем ли мы понять уроки XX века и поднять наше интеллектуальное и духовное оснащение на уровень нового исторического вызова.

Беда в том, что времени нам отпущено немного. Альянс «глобализаторов и реформаторов» не жалеет средств для того, чтобы растлить и утомить людей, втянуть в преступность молодежь, сбить граждан с толку политическими спектаклями. В случае резкого ухудшения социальной ситуации и образования обширных зон хаоса будет возникать соблазн создать хотя бы упрощенный порядок через насилие. Но люди трезвеют, устойчивость против соблазнов растет, и у России появляется возможность превратить кризис разрушения в кризис развития.

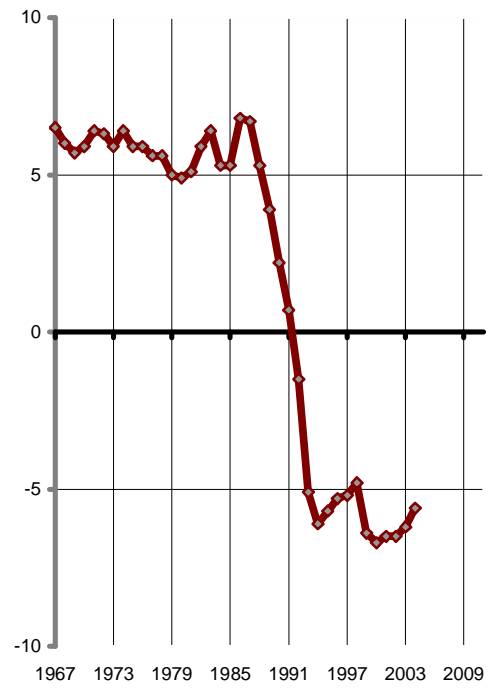

Рис. 1. Естественный прирост населения РСФСР и РФ
(на 1000 человек)

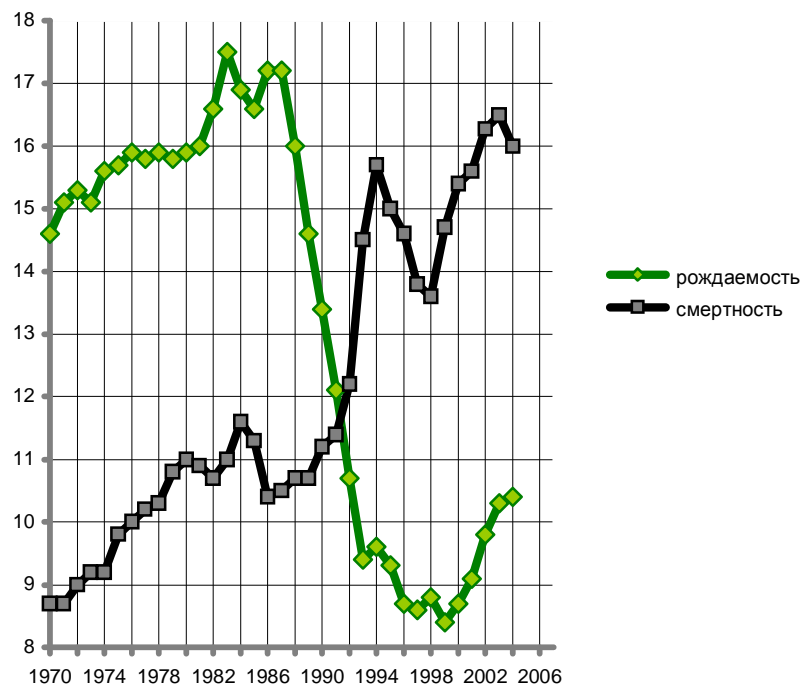

Рис. 2. Рождаемость и смертность в РСФСР и РФ (на 1 тыс. населения)

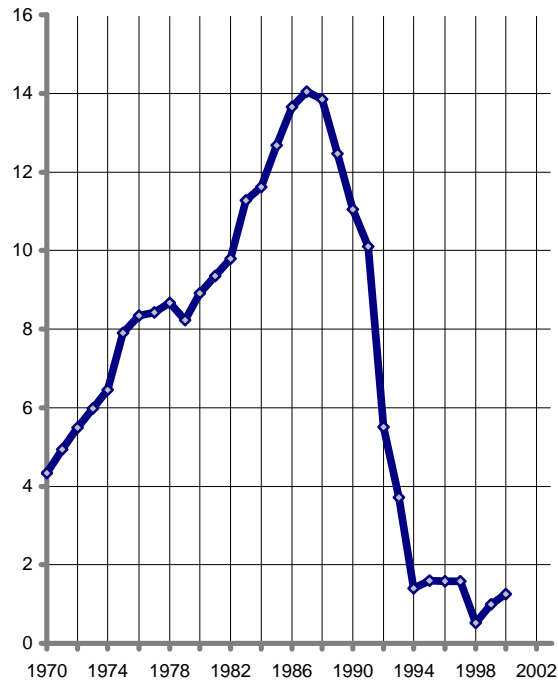

Рис. 3. Поставка (продажа) минеральных удобрений сельскому хозяйству РСФСР и РФ (в пересчете на 100% питательных веществ, млн. т.)

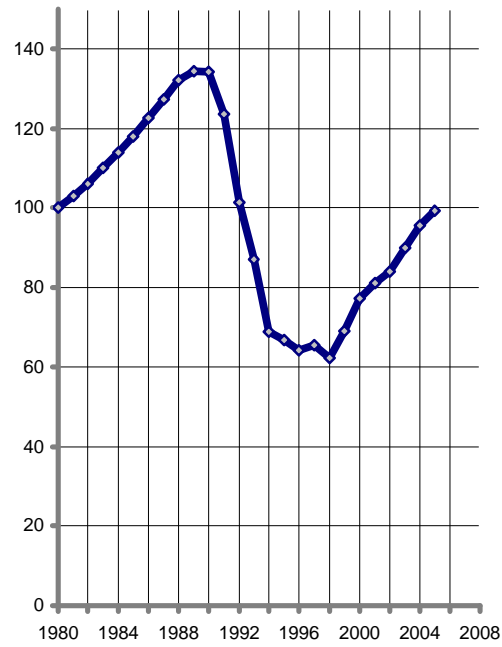

Рис. 4. Объем производства промышленной продукции в РСФСР и РФ (в сопоставимых ценах, 1980 = 100)

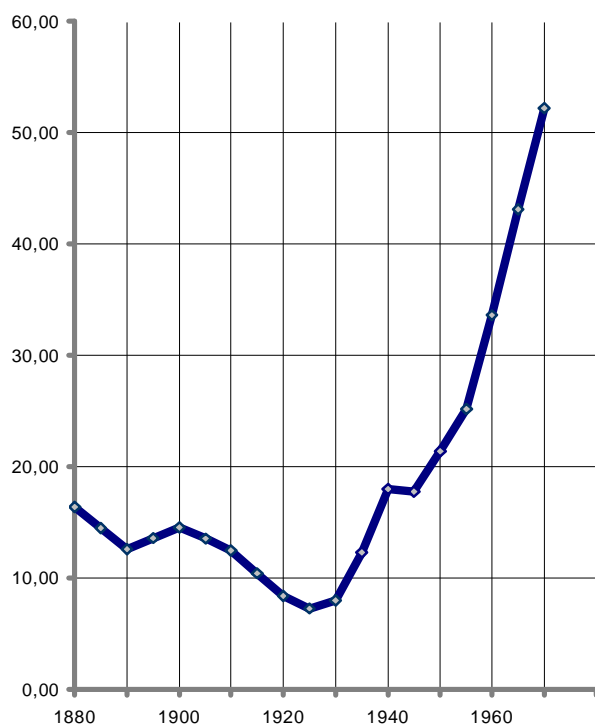

Рис. 5. Динамика металлического фонда Российской империи и СССР относительно металлического фонда США (%)

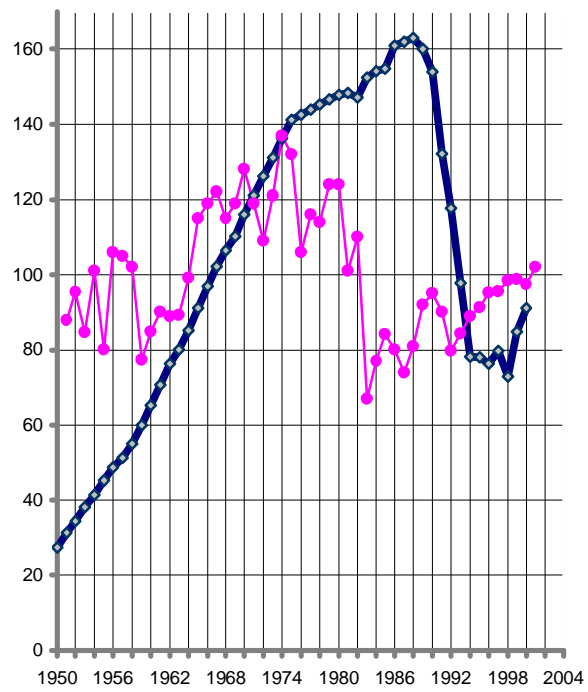

Рис. 6. Производство стали в СССР (после 1991 г. – на территории бывших республик СССР) и США, млн. т

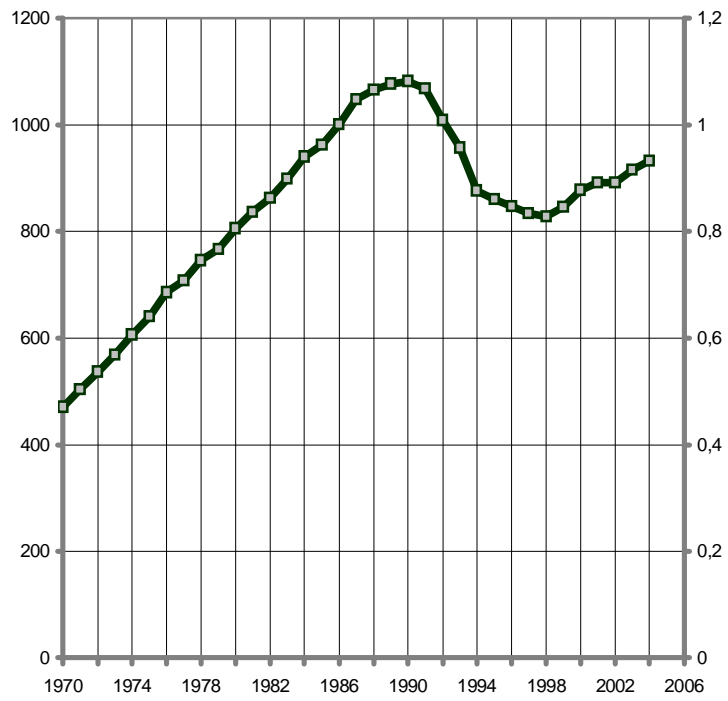

Рис. 7. Производство электроэнергии в РСФСР и РФ, млрд. квт-час

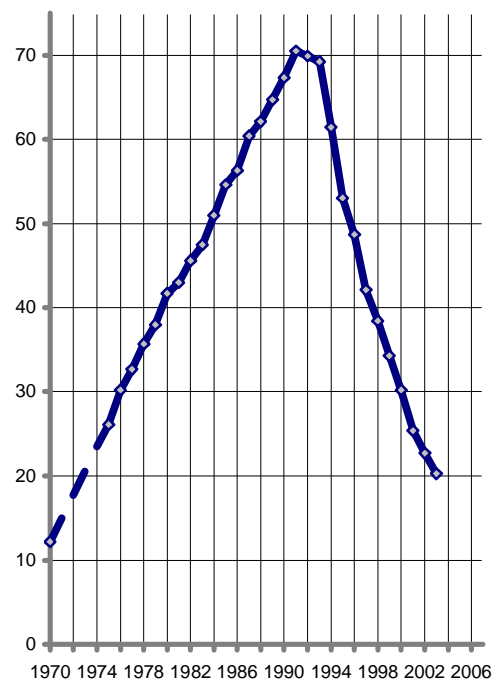

Рис. 8. Потребление электроэнергии на производственные цели в сельскохозяйственных предприятиях РСФСР и РФ, млрд. кВт-ч.

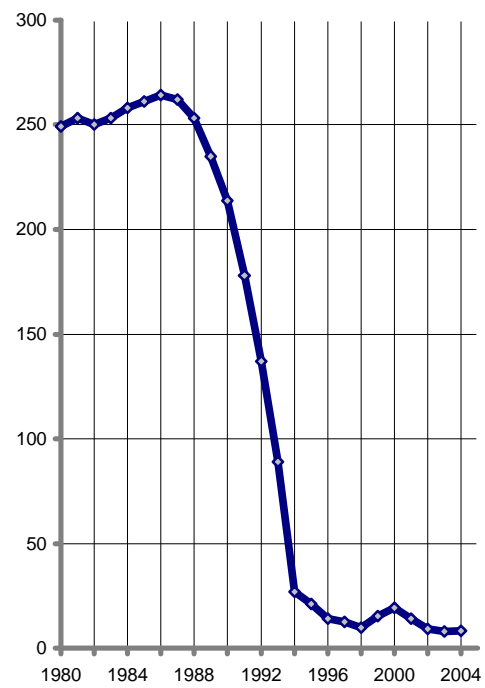

Рис. 9. Производство тракторов в РСФСР и РФ, тыс. штук

